

eISSN 2311-2468
Том 1, № 8. 2013
Vol. 1, no. 8. 2013

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

АКАШКИНА Т.Г., ГЛАДЫШЕВА И.П.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА В СВЯЗИ С УТРАТОЙ ДОВЕРИЯ

Аннотация: В статье анализируются вопросы, возникающие при расторжении трудового договора в связи с утратой доверия, предпринята попытка на основании анализа мнений правоведов и правоприменительной практики выявить типичные ошибки работодателя при увольнении работников, непосредственно обслуживающих денежные и товарные ценности, совершивших виновные действия, дающие основания для утраты доверия к ним.

Ключевые слова: виновное действие, работник, работодатель, трудовой договор, увольнение, утрата доверия.

AKASHKINA T.G., GLADYSHEVA I.P.

SOME ISSUES OF EMPLOYMENT CONTRACT TERMINATION DUE TO LOSS OF TRUST

Abstract: The paper presents an analysis of some legal issues arising in connection with employment contract termination due to the loss of trust. Considering the views of lawyers, scholars and legal practice, the authors analyze the employer's typical errors when dismissing employees, who deals with cash and commodity values, found guilty of committing faulty actions that give grounds for the loss of the employer's trust.

Keywords: faulty actions, employee, the employer, the employment contract, termination, the loss of trust

Утрата доверия работником в качестве основания расторжения трудового договора в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) [1] регламентирована в статье 81 ТК РФ. В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ работодатели вправе расторгнуть трудовой договор за совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему. Впервые данное право работодателя было закреплено в Постановлении НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. «О работниках, обслуживающих денежные и товарные ценности», где предусматривалось, что лица, обслуживающие денежные и товарные ценности, могут быть уволены с работы, ..., также при утрате к ним доверия со стороны администрации, затем оно было включено в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и в ст. 254 Кодекса законов о труде РСФСР [5]. Первоначально целью данного права называлось обеспечение сохранности государственной собственности, не допущение расхищения и растраты государственного имущества, «удаление из торговли организаций и предприятий лю-

дей, не внушающих доверия» [9]. Как верно замечено учеными, несмотря на произошедшие в экономической и правовой жизни нашей страны изменения, исследуемое право работодателя и в настоящее время является механизмом защиты им своего имущества, предупреждения ущерба или иных негативных последствий [10]. С учетом целей и задач трудового законодательства, закрепленных в статье 1 ТК РФ, возможность реализации работодателем исследуемого права поставлена в зависимость от соответствия произведенного им увольнения критериям правомерности. К сожалению, на практике встречаются ошибки, обусловленные множеством причин. Одна из них – долгое отсутствие ясности по вопросу о том, является ли увольнение в связи с утратой доверия дисциплинарным взысканием. В соответствии с ранее действовавшим законодательством прекращение трудового договора в связи с утратой доверия к работнику не являлось мерой дисциплинарного взыскания. Введенное ст. 193 ТК РФ определение понятия дисциплинарного проступка данное утверждение поставило под сомнение. Итог дискуссиям ученых и правоприменителей подвел Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление от 17 марта 2004 г. № 2) [3], разъяснив судам в п. 47, что, если виновные действия, дающие основание для утраты доверия, совершены по месту работы и в связи с исполнением работником трудовых обязанностей, такой работник может быть уволен с работы соответственно по п. 7 ст. 81 Трудового кодекса РФ при условии соблюдения порядка применения дисциплинарных взысканий, установленного ст. 193 Кодекса. Если же действия, дающие работодателю основание задуматься о добросовестности работника, совершены работником вне работы и не в связи с исполнением трудовых обязанностей, в п. 45 Постановления Пленума отмечается, что работники, их совершившие, могут быть уволены по основанию утраты доверия, но такие случаи расторжения трудового договора не являются мерой дисциплинарного взыскания. В 2006 г. данные положения были введены в качестве законодательной нормы, что уменьшило количество трудовых споров, но нарушения работодателями по-прежнему допускаются. Как показал анализ правоприменительной практики, при увольнении работников, утративших доверие, работодатели чаще всего допускают три типичные ошибки. Проанализируем их.

1) Увольнение работника, не подлежащего увольнению в связи с утратой доверия. По п. 7 ст. 81 ТК РФ могут быть уволены только лица, непосредственно обслуживающие денежные либо товарные ценности. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 раскрыл понятие «непосредственное обслуживание денежных либо товарных ценностей» как осуществление их приема, хранения, транспортировки, распределения и т. п. Эту деятельность, безусловно, осуществляют лица, занимающие должности или выполняющие работы, упомянутые в Перечнях должностей и работ, замещаемых или выполняемых

работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, утв. постановлением Минтруда России от 31 декабря 2002 г. № 85 [2].

Большинство ученых, например, Н. А. Бриллиантова, полагают, что их увольнение в связи с утратой доверия возможно независимо от заключения в действительности такого договора и вне зависимости от того, относится ли обслуживание денежных или товарных ценностей к основным или дополнительным трудовым обязанностям работника [6]. Однако имеется и противоположная позиция. В. И. Миронов полагает, что законно увольнение только работников, включенных в перечни, при условии заключения письменного договора о полной материальной ответственности [7].

По нашему мнению, более обоснованно мнение М. В. Преснякова, полагающего, что если работодатель сможет доказать непосредственное обслуживание денежных или материальных ценностей конкретным работником в силу его должностных обязанностей, то он вправе производить увольнение в связи с утратой доверия вне зависимости от заключения договора о полной материальной ответственности [8]. При этом в некоторых случаях недостаточно ограничиться формальной сверкой наименований трудовой функции работника и упомянутым Перечнем, а следует руководствоваться тем, каковы фактические обязанности работников в соответствии с должностными инструкциями либо иными локальными нормативными актами. В случае возникновения вопроса о правомерности расторжения трудового договора с работником вследствие утраты к нему доверия, когда виновные действия совершены в период временного перевода на другую работу, связанную с обслуживанием материальных ценностей, разрешать его следует так: увольнение правомерно, если обе работы (постоянная и временная) связаны с обслуживанием материальных ценностей. В отношении правомерности увольнения в связи с утратой доверия работников, с которыми договор о полной материальной ответственности не может быть заключен, которым денежные либо товарные ценности не вверяются, но они с ними непосредственно соприкасаются (грузчики, рабочие складов и магазинов, охранники и т. п.), единого мнения нет. Принимая все это во внимание, к лицам, с которыми договор о полной материальной ответственности не может быть заключен, п. 7 ст. 81 ТК РФ лучше не применять. Согласно сложившейся практике суды, принимая решение о том, является ли лицо работником, непосредственно обслуживающим денежные или материальные ценности исходят из Постановления Минтруда России от 31 декабря 2002 г. № 85. И определенно не могут быть уволены за утрату доверия лица, непосредственно не соприкасающиеся с товарными и денежными ценностями (главный бухгалтер, экономисты, начальники отделов кадров, юристы и пр.) [10]. В исследованных нами актах судов Республики Мордовия фактов неверного определения круга лиц, увольняемых в

связи с утратой доверия, несмотря на распространенность названной ошибки, не обнаружено. С исками о признании увольнения незаконными обращались кассиры, продавцы, операционисты в банках, экспедиторы.

2) Недоказанность виновных действий, дающих основание для утраты доверия. Нарушениями, дающими право на увольнение по п. 7 части 1 ст. 81 ТК РФ, считаются: недостача вверенных работнику материальных или денежных ценностей; излишки вверенных работнику материальных или денежных ценностей; несвоевременное оприходование материальных или денежных ценностей; отпуск материальных или денежных ценностей без надлежащего оформления; использование имущества предприятия в личных целях; хищения имущества предприятия (обсчет, обвешивание, обмеривание, обман покупателей или заказчиков); хранение ключей от помещений, где хранятся материальные ценности, в ненадлежащем месте или их утрата. При этом наличие ущерба имуществу работодателя необязательно. Наиболее распространенной является ситуация, когда недостача выявляется по результатам ревизии. Однако если вина работника в совершении конкретных действий не установлена, то работник не может быть уволен по мотивам утраты доверия и т. д. Подобных примеров в практике судов Республики Мордовия достаточно много.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Мордовия, оставила без изменения решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия о восстановлении М. в должности <...> операционного отдела Банка, при этом было учтено, что по представленным сторонам доказательствам вина М. в совершении конкретных виновных действий не установлена, приказ об увольнении М. не мотивирован, в нем не указано, какие конкретно виновные действия послужили основанием для утраты доверия. Следовательно, М. правомерно была восстановлена на работе [12].

В еще одном споре Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Мордовия также оставила без изменения решение Ковылкинского районного суда Республики Мордовия о восстановлении Ф. на работе в качестве продавца магазина, указав, что оснований для увольнения истицы в связи с утратой доверия у работодателя не имелось, поскольку факт причинения истицей материального ущерба ответчику не установлен, что подтверждается постановлением ОВД об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Ф. за отсутствием состава преступления [13].

В другом случае Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия оставила без изменения решение Лямбирского районного суда Республики Мордовия от 2 февраля 2012 г. о восстановлении на работе Х. в качестве продавца магазина № 1, принадлежащего ООО «Торговый дом «Атемарский», поскольку ответчик не представил бесспорных доказательств того, что недостача товарно-материальных ценностей, выявленная в ходе ре-

визий, образовалась в результате совершения Х. каких-либо виновных действий [11].

3) Нарушения процедуры увольнения. Среди часто встречающихся нарушений данной группы – не предоставление гарантий работникам, а именно запрета увольнять по инициативе работодателя беременных женщин (ч. 1. ст. 261 ТК РФ) и всех работников в период временной нетрудоспособности и в период пребывания в отпуске (ч. 6 ст. 81 ТК РФ).

Кроме того, работодатели не всегда исполняют требования ТК РФ о необходимости при увольнении за совершение действий, давших основания для утраты доверия, по месту работы и в связи с исполнением трудовых обязанностей работодателям истребовать от работника письменные объяснения и установить его вину в совершении указанных действий, соблюсти сроки, установленные частями 3 и 4 ст. 193 ТК РФ, довести приказ (распоряжение) о применении дисциплинарного взыскания до работника в течение 3 рабочих дней со дня его издания. Если же действия, давшие основания для утраты доверия, были совершены работником не по месту работы и не в связи с исполнением трудовых обязанностей, то работодатели, как пояснил Пленум Верховного Суда РФ, часто не учитывают время, истекшее с момента совершения виновных действий работником, к которому утрачено доверие, его последующее поведение и другие конкретные обстоятельства, имеющие правовое значение. Несоблюдение названных правил ведет к признанию увольнения незаконным. Так, в упоминавшемся выше деле по апелляционной жалобе ответчика ООО «Торговый дом «Атемарский» на решение Лямбирского районного суда Республики Мордовия от 2 февраля 2012 г. Судебная коллегия по гражданским делам Республики Мордовия усмотрела несоблюдение ответчиком порядка увольнения, что явилось самостоятельным основанием для удовлетворения предъявленных требований [11].

Таким образом, примеры из судебной практики подтверждают, что совершаемые работодателями ошибки и нарушения законодательства оставляют незащищенными права работодателя, нарушают и права работников. Думается, что работодателям на их недопущение следует обратить пристальное внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с посл. изм.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
2. Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности: Постановление Минтруда РФ от 31 декабря 2002 г. № 85 // Рос. газ. – 2003. – № 25.

3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : Постановление Верх. Суда Рос. Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 (в ред. от 28 сент. 2010 г.) // Рос. газ. – 2004. – № 72 (8 апр.).

4. О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 г. № 16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 24.10.2013 г.

5. Акопов Д. А. Увольнение в связи с утратой доверия // Справочник кадровика. – 2005. – № 11. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.personal.ru/journal/287/7203/>.

6. Бриллиантова Н.А. и др. Трудовое право России: Учебник / Под ред. О.В. Смирнова. – М., 2006. – С. 256.

7. Миронов В.И. Трудовое право России: Учебник. – М., 2005. – С. 428-429.

8. Пресняков М. В. Увольнение в связи с утратой доверия // Трудовое право. – 2012. – №12. – С. 90-99.

9. Циндяйкина Е.П., Цыпкина И.С. Трудовой договор: порядок заключения, изменения и расторжения / под ред. К.Н. Гусова. – М.: Проспект, 2008. – 224 с.

10. Юшин В. П. Доверие утрачено: увольняем // Отдел кадров коммерческой организации. 2009. № 9 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/doverie-utracheno-uvolnyaem>.

11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 10 апреля 2012 г. по делу № 33-551/13[Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 24.10.2013 г.

12. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 13 сентября 2012 г. по делу № 33-1556/12 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 24.10. 2013 г.

13. Кассационное определение Верховного суда Республики Мордовия от 05 апреля 2011г. по делу № 33-613/9 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 24.10.2013 г. 16. Кассационное определение Верховного суда Республики Мордовия от 08 февраля 2011 г. по делу № 33-230/9 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 24.10.2013 г.

ЧУГУНОВА Э.И.
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: в статье проводится попытка определения проблем, существующих в механизме формирования судейского корпуса и препятствующих повышению авторитета российского правосудия, самостоятельности и независимости судебной власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: формирование судейского корпуса, авторитет правосудия, проблемы формирования судейского корпуса, проблемы отбора кандидатов в судьи.

CHUGUNOVA E.I.
PROBLEM OF JUDICIARY MANPOWER FORMATION
IN MODERN RUSSIA

Annotation: The paper considers some problems of judiciary manpower formation. Particularly, the author focuses on the factors that hinder the authority, autonomy and independence development of the Russian Federation judiciary power.

Keywords: formation of the corps of judges, the authority of justice, the problems of forming the corps of judges, the problem of selection of judges.

Формирование судейского корпуса является одним из самых актуальных вопросов в настоящее время, имеющим особое значение для дальнейшего функционирования судебной власти, способствуя реализации принципа независимости судей в России. От того, кто призван осуществлять судебную власть в России, и зависит ее качество и доступность, ведь именно судья является независимой ни от кого «ключевой фигурой правосудия», носителем судебной власти. Без качественного и реально независимого судейского корпуса нельзя говорить о правовом государстве и демократии.

Действующее законодательство не конкретизирует критерии отбора кандидатов в судьи, а лишь перечисляет требования к кандидатам в судьи, не раскрывая их сути. В законодательстве нет четкой регламентации критерия образовательного ценза, в части касающейся уровня образования будущих судей. Статья 69 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ отмечает следующие программы высшего профессионального образования: подготовки бакалавров, дипломированных специалистов и магистров, программы аспирантуры (адъюнктуры), ординатуры, ассистентуры-стажировки, не указывая формы обучения (заочная, очная или сокращенная). Закон о статусе судей не конкретизирует, какую образовательную

квалификацию должен иметь кандидат в судьи. Это затрудняет правоприменение данной нормы при определении критерия образовательного ценза. Не учитывается законодателем и сокращенная форма обучения в высших учебных заведениях после получения среднего профессионального образования в области юриспруденции. А юристов с такими дипломами в России не мало. В разъяснении Высшей квалификационной коллегией судей указано, что срок обучения не должен быть менее 4 лет. В связи с этим следует уточнить, что срок обучения по сокращенной программе – 3 года, а с учетом обучения в среднем профессиональном учреждении общий срок обучения будущего юриста по совокупности составляет 6 лет. Обучение по сокращенной программе нельзя не учитывать, поскольку здесь предоставляются не поверхностные знания по специальности «Юриспруденция». Однако, по мнению автора статьи, неприемлемо рекомендовать к назначению на судейскую должность кандидатов, получивших высшее юридическое образование на заочной форме обучения, поскольку судья должен владеть высокими знаниями о праве, а не поверхностными, которые предоставляются во время обучения в такой форме.

При формировании судейского корпуса возникает проблема определения юридического стажа кандидатов в судьи. Специального нормативно-правового акта об определении юридического стажа для кандидатов на должность судьи, детально конкретизирующего работу в конкретной должности, которая учитывается при определении юридического стажа кандидатов в судьи, до сих пор нет. Действующие нормативно-правовые акты лишь поверхностно и обобщенно регламентируют данный вопрос. Критерий профессионального ценза также не конкретизирует «пригодность на судейскую должность» кандидата в судьи, который имеет записи в трудовой книжке об увольнении по основаниям статьи 81 Трудового Кодекса РФ (например, увольнение из-за неоднократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей; представления работником работодателю подложных документов при заключении трудового договора), поскольку это свидетельствует о низком профессионализме и нравственности кандидата в судьи. Отсутствует четкая регламентация критерия здоровья кандидата в судьи. Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, не полноценен и требует корректировки путем внесения в него других заболеваний, в том числе и психологического характера. М. И. Клеандров отметил, что данный Перечень заболеваний исходил из узкомедицинских представлений о том, каким медицинским показателям должен отвечать человек, работающий судьей, без учета психического составляющего здоровья судьи и требований к отсутствию как чисто психических, так и физических болезней, серьезно влияющих на психику человека [9, с. 228]. В перечне отсутствуют такие заболевания, как туберкулез, ВИЧ, сифилис, лепра, а также такие психические заболевания, как шизофрения, аутизм, диссоциативные расстройства личности. По мнению автора статьи, данный перечень

требует существенной корректировки с учетом мнений медицинских работников и органов судейского сообщества.

Из приведенных на сайте экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи Российской Федерации данных четко прослеживается статистика результатов сдачи квалификационного экзамена. По Московской области за период с февраля 2013 г. по июль 2013 г. квалификационный экзамен на должность судьи не сдали примерно 26 % претендентов на вакантную должность судьи, сдали «отлично» – 8 %, «хорошо» – 47,5 %, «удовлетворительно» – 17,6 % [11], по Орловской области за 2012 г. – «хорошо» 17,4 %, «удовлетворительно» – 26,1 %, не сдали 52,2 %, 4,3 % отказались от ответа [12], по Нижегородской области за период с января 2013г. по апрель 2013 г. не сдали экзамен 38% претендентов на судейскую должность от общего числа сдававших экзамен [13]. По мнению автора статьи, это свидетельствует о недостаточно высоких познаниях права кандидатов в судьи, недостаточной подготовленности кандидатов в судьи к экзамену, об отсутствии единой для всех субъектов Российской Федерации формы и порядка проведения квалификационного экзамена на должность судьи, а также единой для всех регионов государства нормы оценки знаний кандидатов в судьи при сдаче квалификационного экзамена на судейскую должность.

На сегодняшний день для кандидатов на должность судьи законодательно не закреплено каких-либо ограничений в пересдаче экзаменов, а также формы сдачи квалификационного экзамена на должность судьи и нормы оценки знаний кандидатов в судьи. Например, в Республике Мордовия действует Регламент экзаменационной комиссии Республики Мордовия по приему квалификационного экзамена на должность судьи, утвержденный Высшей экзаменационной комиссией по приему квалификационного экзамена на должность судьи 29 марта 2012 г. Протоколом № 1, согласно которому квалификационный экзамен на должность судьи состоит из теоретической части в форме устного экзамена по предварительной подготовке по билету, а также практической части в форме решения практической задачи и составлении процессуального документа по макету дела. Пересдача квалификационного экзамена на должность судьи возможна лишь по истечении 6 месяцев[4]. По мнению автора статьи, судейское сообщество должно четко регламентировать одинаковые для всех регионов России правила сдачи квалификационного экзамена, в том числе форму квалификационного экзамена на должность судьи, тематику вопросов в зависимости от того, в какой суд избирается на вакантную судейскую должность гражданин, а также правила оценки знаний кандидатов в судьи при сдаче такого экзамена, т.е. за какое количество ответов экзаменаторы должны оценить кандидата в судьи на оценку «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» или «неудовлетворительно».

По мнению Е.З. Васютина, одной из проблем формирования судейского корпуса является его длительность. Порядок формирования судейского корпуса в настоящее время довольно длительная процедура и может длиться от 10 месяцев до полутора лет по отдельным кандидатурам, т.к. при всей демократической системе отбора кандидатов на вакантные должности судьи она не учитывает всей степени подготовленности данных кандидатов для работы в конкретном суде и не позволяет тщательно изучить кандидата на месте [7]. Законодательство устанавливает длительные сроки по всем стадиям порядка формирования судейского корпуса, что в совокупности составляет не менее 3 месяцев. И это в лучшем случае, т.е. если на всех этапах принимается решение о согласии с предложенной кандидатурой на судейскую должность. Эта проблема рождает другую – проблему перенагрузки работающих судей, которые обязаны осуществлять работу вакантной должности судьи.

Формирование судейского корпуса в Российской Федерации – недостаточно прозрачный механизм, что значительно влияет на эффективность, авторитет правосудия и независимость судебной власти. Гражданам не доступна информация о кандидатах в судьи, население не имеет возможности выражать мнение о кандидатах в судьи, тем самым косвенно принимать участие в механизме отбора кандидатов на должность судьи. Из этого у населения и рождается сомнение в справедливости судей и недоверие к ним. По мнению автора статьи, данная проблема легко разрешима. На сайте квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации следует размещать данные кандидатов в судьи после подачи претендентами на вакантную должность судьи всех необходимых документов на время осуществления проверки кандидатов в судьи с доступом онлайн комментариев для граждан, которые могут оставить свои отзывы обо всех кандидатах на вакантную должность судьи. Однако в средствах массовой информации необходимо сообщать о размещении и времени размещения такой информации с указанием соответствующего Интернет-адреса. Онлайн комментарии граждан должны учитываться при рекомендации квалификационной коллегией судей кандидата на судейскую должность.

По мнению Л. В. Головки, порядок формирования судейского корпуса одна из организационных основ независимости судебной власти. Проблема независимости судей является проблемой глобального масштаба. Независимость представляет собой ключевое качество судебной власти, в отсутствие которого теряют смысл едва ли не все современные процессуальные механизмы [8]. Независимость судебной власти в настоящее время стала главной задачей современной судебной реформы, провозглашенной в Распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» 20 сентября 2012 г.[3]. Согласно статье 120

Конституции РФ и статье 1 Закона «О статусе судей в РФ» судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону[1] [2].

Е.В. Васьковский выделял четыре способа замещения судейской должности с возможностью их комбинирования: выборная, самовосполнение судов, именуемой в доктрине системой кооптации, назначение правительством по его усмотрению и назначение правительством по конкурсу [6, с. 23]. По мнению Е.В. Васьковского, наиболее целесообразным способом замещения судей является назначение судей правительством или иным органом центральной власти на конкурсной основе [5, с. 202]. Е.В. Бурдина отмечает, что «каждый тип формирования судейского корпуса имеет как свои сильные стороны, так и слабые. Наиболее предпочтительной видится такая система отбора кандидатов, которая бы позволяла сочетать отдельные элементы упомянутых традиционных способов, с тем, чтобы усиливать их сильные стороны и, напротив, свести к минимуму их недостатки [5, с. 202].» Коллектив авторов Т.Н. Нешатаева, Е.А. Куделич, Н.В. Павлова, В.В. Старженецкий, В.Л. Толстых сошлись во мнении относительно моделей отбора кандидатов на должность судьи, определив её следующим образом: назначение судебной властью непосредственно, назначение юридическим сообществом (которое может включать представителей судебной системы), назначение судей политическими институтами, отбор судей на основе выборов [10, с. 130].

В России, как и в большинстве стран, применяется модель формирования судейского корпуса политическими институтами. В формировании состава мировых судей принимают непосредственное участие законодательные (представительные) органы государственной власти, что, по нашему мнению, нарушает независимость и самостоятельность судебной власти. Считаем необходимым формирование мировых судей сосредоточить в руках органов судейского сообщества – квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации и Президента Российской Федерации, поскольку он не относится ни к одной ветви власти.

Итак, проблемами формирования судейского корпуса выступают следующие: отсутствие четкой регламентации критериев отбора кандидатов в судьи, длительность самого порядка формирования судейского корпуса, отсутствие специальной подготовки кандидатов в судьи к сдаче квалификационного экзамена на должность судьи, отсутствие четкой регламентации форм и порядка сдачи такого экзамена, отсутствие единой для всех регионов методики оценки знаний кандидатов в судьи при сдаче квалификационного экзамена на судейскую должность, непрозрачность механизма формирования судейского корпуса, а также неполная реализация принципа независимости судебной власти при формировании корпуса мировых судей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
2. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132 – I // Правовая система «Гарант».
3. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» 20 сентября 2012 г. № 1735-р // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 1 октября. – № 40. – Ст. 5474.
4. Регламент экзаменационной комиссии Республики Мордовия по приему квалификационного экзамена на должность судьи, утвержденный Высшей экзаменационной комиссией по приему квалификационного экзамена на должность судьи 29 марта 2012 г. Протоколом № 1 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://usd.mor.sudrf.ru/modules.php>
5. Бурдина Е.В. Судебная власть в Российской Федерации: учебник / Е.В. Бурдина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. – 248 с.
6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под. ред. В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зеркала», 2003. – 464 с.
7. Васютин Е.З. О порядке формирования судейского корпуса. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vkks.ru/publication/179/>.
8. Головкин Л. В. Порядок формирования судейского корпуса как одна из организационных основ независимости судебной власти. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.zakon.kz/203360-porjadok-formirovaniya-sudejskogo.html>.
9. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма , 2008. – 448 с.
10. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / отв. ред. Т.Н. Нешатаева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.
11. Статистика экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи Московской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mos.vekrf.ru/category/473/>.
12. Статистика экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи Орловской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orl.vekrf.ru/category/480/>.
13. Статистика экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи Нижегородской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://niz.vekrf.ru/category/475/>.

КАРГИНА Т.А., МАЛЫШЕВА А.В.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТИЗАЦИИ НЕДЕЛИМЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
СОБСТВЕННИКАМИ РАСПОЛОЖЕННЫХ НА НИХ ЗДАНИЙ, СТРОЕНИЙ,
СООРУЖЕНИЙ**

Аннотация: Проблема приобретения в собственность неделимого земельного участка сособственниками находящегося на земельном участке здания, строения, сооружения обусловлена требованием законодательства о необходимости совместного обращения указанных лиц с заявлением о приобретении права на земельный участок, которое на практике не всегда удается обеспечить. Названная проблема анализируется с учетом обобщения судебной практики, состоявшихся подходов к её решению в юридической литературе.

Ключевые слова: приватизация, право собственности, здание, строение, сооружение, общая долевая собственность.

KARGINA T.A., MALYSHEVA A.V.

**PRIVATIZATION OF IMPARTIBLE LAND LOTS BY OWNERS OF BUILDINGS,
STRUCTURES AND CONSTRUCTIONS LOCATED ON THEM**

Abstract: The paper considers some legal aspects of impartible land lots privatization by the owners of buildings, structures and constructions located on them. Particularly, the authors focus on the problem of collective legal plea application by all owners of the estate property situated on the land lot being privatized. Thus for this or that reason some owners fail to attend the application procedure required by the current Russian legislation. Considering the privatization legal practices as well as theoretical legal studies, the authors seek for a solution of the problem.

Keywords: privatization, land ownership, building, building, building, total equity ownership.

В соответствии с пунктом 1 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), если иное не установлено федеральными законами, исключительное право на приватизацию земельных участков или приобретения права аренды имеют граждане и юридические лица – собственники зданий, строений, сооружений. В пункте 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» указано, что исключительное право на приватизацию земельного участка означает, что никто, кроме собственника здания, строения, сооружения, не имеет право на приватизацию земельного участка, занятого этим зданием, строением, сооружением [1]. Законодательное закрепление

данного права является важной гарантией осуществления собственниками объектов недвижимости правомочий, вытекающих из содержания права собственности в отношении принадлежащих им зданий, строений, сооружений. Тем не менее, практика применения закрепленных в статье 36 ЗК РФ правовых норм показывает, что реализация субъективных исключительных прав собственниками строений нередко сопровождается наличием тех или иных препятствий. Особые трудности возникают у собственников здания (помещения в нем) при приобретении неделимого земельного участка в общую долевую собственность.

Согласно части 3 статьи 36 ЗК РФ в случае, если здание (помещения в нем), находящееся на неделимом земельном участке, принадлежит нескольким лицам на праве собственности, эти лица имеют право на приобретение данного земельного участка в общую долевую собственность или в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, федеральными законами, с учетом долей в праве собственности на здание. Порядок приобретения прав на земельный участок в данном случае (п. 5 ст. 36 ЗК РФ) предусматривает необходимость совместного обращения собственников здания (помещений в нем) в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления с заявлением о приобретении прав на земельный участок. В случаях, когда заявление о приобретении права собственности на земельный участок подается одним или несколькими собственниками здания, сооружения (но не всеми имеющимися собственниками), соответствующие властные органы отказывают им в приобретении права на том основании, что не был соблюден порядок, предусмотренный п. 5 ст. 36 ЗК РФ. Анализ правоприменительной практики убедительно свидетельствует о том, что в подавляющем числе случаев суды признают отказ соответствующего органа в предоставлении земельного участка в данном случае законным. Показательным на этот счет является Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда по Республике Мордовия от 25 октября 2011 года по делу №33-1970/25.

А.В. Давыдов обратился в суд с исковыми требованиями к Администрации городского округа Саранск к К.В. Фадеевой о признании за ним права на предоставление земельного участка в собственность и предоставлении земельного участка в собственность бесплатно. В обоснование исковых требований А.В. Давыдов указал на то, что ему принадлежит 58/100 доли в праве общей долевой собственности на жилой дом. Другим собственником жилого дома является К.В. Фадеева, которой принадлежит 42/100 доли в праве общей долевой собственности на жилой дом. Жилой дом расположен на земельном участке, который передан ему в аренду. 28 июня 2011 года Давыдов обратился в городскую администрацию с заявлением о предоставлении ему в собственность 58/100 доли земельного участка, на котором расположен его жилой дом, в чём ему было отказано со ссылкой на то,

что для приобретения права собственности на земельный участок необходимо совместное обращение всех сособственников жилого дома. Между тем другой сособственник жилого дома от заключения каких-либо договоров на земельный участок отказывается. Отказ городской администрации в предоставлении земельного участка в собственность, по мнению Давыдова, нарушает его законное право на получение земельного участка в собственность.

В связи с этим он просит суд признать за ним право на предоставление в собственность 58/100 доли земельного участка, на котором расположен его жилой дом, и обязать городскую администрацию предоставить ему земельный участок в собственность бесплатно.

Решением Октябрьского районного суда г. Саранска от 9 сентября 2011 года в удовлетворении предъявленных исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия при проверке законности и обоснованности решения суда находит решение суда подлежащим оставлению без изменения. В отсутствие совместного обращения всех сособственников жилого дома с заявлением о приобретении прав собственности на неделимый земельный участок, на котором расположен общий жилой дом, суд первой инстанции пришёл к обоснованному выводу об отсутствии правовых оснований для удовлетворения предъявленных исковых требований [2].

Очевидно, что законодатель, закрепляя в законе обязательность совместного обращения заявителей, исходил из сущности совместной долевой собственности на имущество, а также из существа принципа единой судьбы строения и земельного участка, в соответствии с которым «любая множественность владельцев земельного участка (т.е. множественность на стороне собственника строения) должна влечь те же последствия, что и возникновение права собственности на помещение» [3]. Данный подход оправданно исключает возможность приобретения прав на земельный участок под зданием, которое находится в собственности нескольких лиц, только одним из сособственников этого здания, поскольку такой земельный участок выступает объектом прав в целом.

Однако необходимо признать, что отсутствие согласованности воли собственников недвижимости на приватизацию земельного участка и соответственно отсутствие их совместного обращения создает неразрешимые препятствия для лица, желающего приобрести земельный участок в собственность и имеющего на то законное право. Неслучайно рассматриваемая обязанность совместного обращения граждан и юридических лиц в орган публичной власти обусловила неоднократные обращения в Конституционный Суд РФ.

Определением от 5 марта 2004 г. N 82-О от 5 марта 2004 г. N 82-О "По запросу Первомайского районного суда города Пензы о проверке конституционности пункта 5 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации признал, что необходимость совместного обращения не может служить препятствием для реализации гражданами и юридическими лицами как участниками долевой собственности правомочий по распоряжению принадлежащими им долями в праве собственности на соответствующие строения, а также основанием для отказа в эффективной судебной защите [4].

Определением Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. N 428-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кривенко В. И. и Кривенко Т. Д. на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 3 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации" также оспаривались нормы, регулирующие вопрос приобретения неделимой земли под зданием, принадлежащим нескольким лицам.

По мнению заявителя, положения абзаца первого пункта 3 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации неконституционны, поскольку предусматривают возможность приобрести участок исключительно с учетом долей в праве собственности на здание (помещения в нем). Конституционный Суд РФ отклонил такие доводы и разъяснил следующее. Оспариваемые нормы предусматривают неразрывную взаимосвязь между правами – общей долевой собственности на здание (помещения в нем) и общей долевой собственности на неделимый участок. Подобное правило объективно обусловлено спецификой указанных объектов и складывающихся имущественных отношений. Тем самым обеспечивается реализация и защита имущественных прав всех участников долевой собственности на здание (помещения в нем) в отношении используемого ими участка. С учетом этого подобное регулирование не может рассматриваться как нарушающее конституционные права [5].

На фоне обоснованных выводов Конституционного суда РФ остается очевидным следующее: отказ одного из сособственников от совместного обращения не позволяет реализовать предусмотренное законом право на получение земельного участка в собственность.

П. 3 ст. 36 ЗК РФ предусматривает, что сособственники здания, находящиеся на неделимом земельном участке, имеют альтернативную возможность по отношению к приобретению данного земельного участка в общую долевую собственность – возможность приобретения земельного участка в аренду со множественностью лиц на стороне арендатора. Договор аренды земельного участка со множественностью лиц на стороне арендатора может быть заключен при условии участия в нем как нескольких владельцев помещений, так и

одного из них. Заключение договора аренды с одним лицом на стороне арендатора производится с учетом потенциальной возможности вступления в него иных лиц на стороне арендатора в соответствии с положениями п. 3 ст. 36 ЗК РФ.

При этом однако возникает неразрешимый вопрос о том, как быть, если одни собственники недвижимости захотят выкупить земельный участок, а другие заключить договор аренды. Как отмечала Л.Ю. Грудцына, "законодательство не содержит каких-либо механизмов, позволяющих одному из собственников помещений понудить других собственников к заключению договора аренды участка или к его совместному выкупу в собственность помимо их воли. Поэтому в настоящий момент собственник помещений в здании, желающий приобрести право на расположенный под ним участок, должен сначала прийти к согласию со всеми своими соседями – собственниками других расположенных в здании помещений, после чего сообщая с ними оформлять свое право (собственности или аренды) на землю" [6].

В юридической литературе неоднократно высказывались суждения о необходимости закрепить в законе возможность приобретения земельного участка в собственность сособственником недвижимого имущества, расположенного на земельном участке без согласия на то остальных.

Скловский К. И. считает возможным в рассматриваемой ситуации закрепление права собственности на земельный участок «за одним из сособственников здания, комплекса зданий или помещений независимо от других» [7].

Мельников Н.Н. предлагает: «Необходимо четко предусмотреть, что надлежащим образом подтвержденный отказ одного из участников долевой собственности от обращения с заявлением о приобретении прав на земли не препятствует другому сособственнику обратиться в соответствующий орган с такого рода заявлением. На орган местного самоуправления (или исполнительный орган государственной власти) следует возложить обязанность, используя примирительные процедуры, попытаться решить существующий конфликт. В случае недостижения согласия право собственности должно приобретаться в судебном порядке, где дело подлежит рассмотрению с участием всех сособственников, которым принадлежит располагающееся на земельном участке строение» [8].

Считаем целесообразным согласиться с вышеизложенными позициями и закрепить в законодательстве право на получение в собственность земельного участка собственником недвижимого имущества. Если другой сособственник (сособственники) не имеет намерение оформить земельный участок в собственность, то его право трансформируется в обязанность представить заявление об отсутствии возражений на оформление земельного участка в общую долевую собственность сособственника в согласованных границах. При отсутствии согласия сособственника (сособственников) у лица, изъявившего желание оформить

земельный участок в собственность, возникает право в судебном порядке снять указанные возражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11. - [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы Гарант. – Дата обновления: 01.10.2013. Дата обращения: 08.10.2013.

2. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда по Республике Мордовия от 25 октября 2011 года по делу №33-1970/25; См. также Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия от 7 сентября 2010 года по Делу №33-1465/25; Кассационное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 15 августа 2012 г. по делу №№33-1465/254; Решение Азовского городского суда Ростовской области от 3 июля 2012 года; Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 20 февраля 2012 года; Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.05.2007 по делу N Ф03-А51/07-1/396; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23 января 2004 г. N А56-40781/02; .Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 июля 2004 г. N 3934/04); Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27 июня 2003 г. N А56-38182/02. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://rospravosudie.com/>. (дата обращения: 08.10.2013)

4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве // М.: Статут. – 2008. – С. 922.

5. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 82. - [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс. – Дата обновления: 01.10.2013. Дата обращения: 08.10.2013.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. N 428-О. - [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс. – Дата обновления: 01.10.2013. Дата обращения: 08.10.2013.

7. Грудцына Л.Ю., Козлова М.Н. Земля: Справочник собственника и арендатора // Доступ из справочно-правовой системы Гарант. – Дата обновления: 01.10.2013. Дата обращения: 08.10.2013.

8. Скловский К.И. Некоторые вопросы применения земельного законодательства, регулирующего предоставление земельных участков в городе // Хозяйство и право. - 2004. - № 10. – С. 22 – 29.

9. Мельников Н.Н. Оборот земель сельскохозяйственного назначения: Комментарий судебной практики. М. 2005 г. Доступ из справочно-правовой системы Гарант. – Дата обновления: 01.10.2013. Дата обращения: 08.10.2013.

ЛЫБАЕВА Н.С., СТАНОВКИНА М.В.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В
ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация: В данной статье обозначены некоторые проблемы, имеющие место при проведении открытого судебного заседания как основного способа обеспечения принципа гласности гражданского судопроизводства, выявленные по результатам анализа законодательных положений и локальных нормативных актов судов.

Ключевые слова: гласность, принцип гласности, открытое разбирательство дела, доступ в зал судебного заседания.

LYBAEVA N.S., STANOVKINA M.V.

**SOME PROBLEMS OF PUBLICITY ENSURING AT CIVIL LEGAL
PROCEEDINGS**

Abstract: The paper considers some problems of publicity ensuring at an open court session. In this connection the authors analyze the relative civil legislation as well as local normative acts of law courts.

Keywords: publicity, the principle of publicity, public hearing by, access to the courtroom.

Демократизация гражданского процесса является неотъемлемой частью судебной реформы и связана с доступностью, гласностью и прозрачностью судопроизводства, что способствует эффективности правосудия и повышению доверия общества к суду. Развитие принципа гласности в гражданском судопроизводстве обусловлено необходимостью обеспечения конституционного права на получение доступа к деятельности судов при отправлении правосудия по гражданским делам.

В научной литературе под принципом гласности гражданского процесса понимается такой порядок рассмотрения гражданских дел, при котором доступ в зал судебного заседания свободен для всех граждан, представителей прессы и т.д., а ход и результаты процесса могут свободно освещаться в печати или других средствах массовой информации [13, с.96].

В современной науке гражданского процесса подчеркивается особое значение данного принципа. По словам Д. Я. Малешина, «отсутствие развитой системы информационной открытости правосудия лишает граждан возможности эффективно осуществлять свои конституционные права и свободы, ограничивает эффективную реализацию задач судопроизводства» [10, с.45-46].

Конвенция о защите прав человека и основных свобод в ст. 6 закрепляет положения, касающиеся принципа гласности судебного процесса: «каждый в случае спора о его

гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [1]. Европейский Суд, называя публичность судебного разбирательства основополагающим принципом, разъясняет, что такой публичный характер защищает стороны от отправления правосудия тайно без общественного контроля [3].

Закрепленный Конституцией Российской Федерации принцип открытого разбирательства дел получил свое развитие в том числе и в гражданском процессуальном законодательстве. Так, ст. 10 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) закрепляет порядок проведения открытого судебного разбирательства, особо оговаривая при этом характер дел, открытое разбирательство по которым запрещено.

Стоит заметить, что действующее гражданское процессуальное законодательство не регулирует многие возникающие в связи с реализацией рассматриваемого принципа в правоприменительной деятельности вопросы. Подобная ситуация, полагаем, объясняется не только недостатками законодательства и сложностями, возникающими при реализации соответствующих законодательных положений, но и пробелами в доктринальной разработке анализируемого вопроса.

Так, в качестве одной из проблем можно назвать ограниченное число мест в зале судебного заседания. Одним из основных направлений дальнейшего развития судебной системы в соответствии с положениями федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» является «обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности» [5]. Открытое разбирательство дел – основной способ обеспечения гласности судопроизводства. Поскольку дело может быть рассмотрено в присутствии публики, важно обеспечить всем желающим (если на то нет прямого законодательного запрета) доступ в зал судебного заседания. Учитывая серьезный интерес общества по отношению к некоторым резонансным делам, а также стремление представителей СМИ осветить ход процесса в таких случаях, встает вопрос о необходимости расширения возможностей для присутствия публики в залах судов.

По нашему мнению, представляется необходимым выработка законодательного положения, в соответствии с которым дела, вызвавшие большой общественный интерес, могли бы рассматриваться в залах судебных заседаний, размеры которых позволят вместить всех желающих граждан и, прежде всего, представителей СМИ, поскольку те обеспечивают право на доступ широкой аудитории к информации о работе суда. По мнению М. А. Федотова, следовало бы отвести в зале судебного заседания места для представителей средств массовой информации: публика могла бы занимать эти места только в том случае,

если после размещения журналистов там остались свободные места. И наоборот, журналисты могли бы занимать места, предназначенные для публики, только после размещения публики и при наличии свободных мест [12, с. 14]. В качестве дополнительного решения к вышеназванному следует назвать разработку механизма доступа к судебному разбирательству путем видеотрансляции судебного процесса.

Принцип гласности, закрепленный в Конституции РФ, означает «такой порядок судебного разбирательства, при котором доступ в зал судебного заседания свободен для всех лиц, достигших определенного возраста, вне зависимости от гражданства и пола, в том числе представителей прессы и других лиц» [11, с. 97]. Несмотря на развитие данного принципа в процессуальных нормативно-правовых актах, стоит отметить неоднозначное понимание того, с какого же возраста возможно самостоятельное присутствие любого желающего лица, не являющегося участником процесса, в зале судебного заседания. Возрастное ограничение в части реализации принципа гласности закреплено законодательством только лишь в отношении производства по уголовным делам. Так, в ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса РФ обозначено, что лицо в возрасте до шестнадцати лет допускается в зал судебного заседания с разрешения председательствующего, если оно не является участником уголовного судопроизводства. Между тем ГПК РФ в ст. 10 подобного указания на возраст не содержит, хотя ст. 9 («Гласность судебного разбирательства») ранее действовавшего Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. гласила: «В зал судебного заседания не допускаются граждане моложе шестнадцати лет, если они не являются лицами, участвующими в деле или свидетелями» [7]. Так же, как и в ГПК РФ, соответствующее положение отсутствует и в Кодексе об административных правонарушениях РФ (ст. 24.3), а также в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ст. 11).

По исследуемому вопросу отсутствует однозначный подход и в юридической литературе. К примеру, В. В. Ершов отмечает: «Любой гражданин, достигший 16-летнего возраста, вправе присутствовать при судебном разбирательстве любого гражданского, уголовного и иного дела» [8, с. 68]. Далее находим позицию П. В. Крашенинникова: «... в зале суда могут присутствовать лица, не достигшие 16 лет, например школьники для целей обучения» [9, с. 37].

Кроме того, авторами настоящей статьи не было найдено ответа на этот вопрос и после проведенного выборочного анализа локальных актов судов, а именно Правил поведения (пребывания посетителей) в зданиях судов, утвержденных председателями этих судов.

Так, Правила пребывания посетителей в здании Сыктывкарского городского суда основанием для нахождения в здании суда называет документ, удостоверяющий личность

гражданина [14]. Правилами поведения в Атюрьевском районном суде Республики Мордовия разрешено самостоятельное присутствие лиц с 14 лет; до 14 лет – только в сопровождении законных представителей [15]. Правилами поведения Табасаранского районного суда Республики Дагестан предусмотрено присутствие лиц до 14 лет не только в сопровождении законных представителей, но и близких родственников, и педагогов [16], в то время как Правила пребывания посетителей в Волжском районном суде г. Саратова не предусматривают присутствие несовершеннолетних до 14 лет в сопровождении педагогов (только в сопровождении родителей (близких родственников), опекунов или попечителей) [17]. В соответствии с Правилами поведения в здании Верховного Суда Республики Мордовия лиц в возрасте до 16 лет без сопровождения законных представителей или педагогов запрещено пропускать в здание суда [18]. Инструкция об организации пропускного режима в Тюменском областном суде гласит: «Несовершеннолетним без сопровождения взрослых вход в здание суда запрещается» [19], в связи с чем можно сделать вывод о запрете самостоятельного пребывания в здании суда граждан, не достигших 18-летнего возраста (так, в частности, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», несовершеннолетним называют лицо, не достигшее возраста 18 лет). В то же время в Правилах поведения, утвержденных этим же судом, отмечено, что «несовершеннолетние лица в возрасте до 14 лет могут находиться в зданиях (помещениях) судов только в сопровождении родителей (близких родственников, опекунов или педагогов)» [20], в связи с чем можно сделать вывод о возможности самостоятельного, без чьего-либо сопровождения, посещения суда уже с 14 лет, что не соответствует первоначальному правилу, утвержденному в рамках локального нормотворчества этого же суда.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» отмечает: «Присутствие в открытом судебном заседании несовершеннолетних, которые не являются участниками гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел, допускается с учетом требований Конвенции о правах ребенка 1989 года, Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ № 436-ФЗ), а также процессуального законодательства Российской Федерации» (п. 4) [6]. Названная Конвенция называет ребенком «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста», если иное не предусмотрено законом (ст. 1); в соответствии со ст. 13 ребенок имеет право на поиск, получение и передачу информации любого рода, если только это не противоречит основам

нравственности [2]. В свою очередь ФЗ № 436-ФЗ проводит классификацию информационной продукции в силу особенностей развития и восприятия информации разными возрастными категориями детей (не достигших 6-ти лет; достигших возраста 6-ти лет; достигших возраста 12-ти лет; достигших возраста 16 лет) [4]. По нашему мнению, это должно стать главным критерием определения возраста, с наступлением которого становится возможным свободное посещение судебных заседаний. Но стоит заметить, что указанная в ФЗ № 436-ФЗ классификация имеет общий характер и существенной ясности в отношении информации, получаемой в ходе судебного разбирательства, не вносит. Поэтому считаем, что этот вопрос требует осмысления и, возможно, выработки рекомендаций по применению норм указанного закона в сфере судопроизводства, какие, например, существуют в отношении печатной (книжной) продукции. В противном случае расширительное толкование, которое имеет место в сфере локального регулирования, допускает возможность намеренного ограничения доступа в зал судебного заседания, что можно расценить как нарушение принципа гласности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 03.07.2012 г. «Дело Развязкин (Razvyazkin) против России» // Справочно-правовая система Гарант – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70260096/>.
4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ // Российская газета. – 2010. – № 297.
5. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.
6. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 // Российская газета. – 2012. – № 292.
7. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. - № 24. - Ст. 407 (утратил силу).

8. Ершов В.В. Демократические основы (принципы) правосудия и их понятие и система // Суд и правоохранительные органы Российской Федерации. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией В.В. Ершова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2010. – 464 с.

9. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2012. – 636 с.

10. Малешин Д.Я. Концепция реформы открытости правосудия // Законодательство. – 2006. – № 5.

11. Судоустройство и правоохранительные органы: учебник / Л.А. Воскобитова, С.В. Матвеев, Т.М. Махова [и др.] / отв. ред. Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2012. – 400 с.

12. Федотов М.А. Об обеспечении прав граждан и организаций на информацию о судебной деятельности судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Информационное право. – 2007. – № 2.

13. Судоустройство и правоохранительные органы в Российской Федерации / под ред. В.И. Швецова. – М.: Проспект, 2005. – 376 с.

14. Правила пребывания посетителей в здании Сыктывкарского городского суда - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://syktsud.komi.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=828.

15. Правила поведения в Атюрьевском районном суде Республики Мордовия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aturevsky.mor.sudrf.ru/modules.php?name=information&rid=9>.

16. Правила поведения в Табасаранском районном суде Республики Дагестан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tabasarskiy.dag.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=47>.

17. Правила пребывания посетителей в Волжском районном суде г. Саратова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volzhsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=information&rid=9>.

18. Правила поведения в здании Верховного Суда Республики Мордовия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://verhsud.saransk.ru/Pravila.htm>.

19. Инструкция об организации пропускного режима в Тюменском областном суде - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=87>.

20. Правила поведения в здании Тюменского областного суда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=6>.

МИХАЙЛОВ В.Н., ГЛАДЫШЕВА И.П.

**ЗАПРЕТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ
РАБОТНИКОВ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ**

Аннотация: В статье исследуется проблема злоупотребления правом в трудовых отношениях, выделяются признаки данного явления и особенности его проявления в системе гарантий прав работников при увольнении по инициативе работодателя.

Ключевые слова: гарантия, злоупотребление правом, работник, работодатель, трудовой договор, увольнение.

MIKHAILOV V.N., GLADYSHEVA I.P.

**ABUSE OF EMPLOYEES' GUARANTEED RIGHTS IN CASE OF DISMISSAL IN-
ITIATED BY EMPLOYER**

Abstract: The paper considers the problem of abuse of rights in labor relations. In this connection the author studies the phenomenon features and the specifics of its manifestation in the guarantee system of employees' rights in case of dismissal initiated by the employer.

Keywords: warranty, abuse of rights, employee, the employer, the employment contract, dismissal.

Анализ проблемы запрета злоупотребления правом в системе гарантий прав работников при увольнении по инициативе работодателя следует начать с краткого обзора изменений в подходах к правовому регулированию прекращения трудового договора по инициативе работодателя в российском праве, поскольку в теории трудового права вопросы прекращения трудового договора традиционно освещались в аспекте общих проблем юридических гарантий трудовых прав работника, стабильности трудовых отношений и по-разному оценивались на разных этапах развития трудового права. Так, Кодекс законов о труде (далее – КЗоТ) РСФСР 1918 г. ограничивал право на увольнение трудящихся как по собственному желанию, так и по инициативе работодателя, что критично оценивалось учеными. Л. С. Таль, будучи приверженцем теории «стабилитета» трудового отношения, сводящейся к запрету увольнения работника без достаточного основания и обязанности работодателя к возмещению убытков в случае увольнения рабочего, вызванного не интересами предприятия, а другими объективно недостаточными мотивами, писал, что «свобода увольнения рабочих и их отбора не может быть отнята у администрации предприятия...». Ученый полагал, что у работодателя должно быть право на прекращение трудового договора, но ограниченное судебным и профессиональным контролем над тем, чтобы он не злоупотреблял данным правом [6, с. 7]. По КЗоТ 1922 г. трудящийся уже имел право расторгнуть договор во всякое время, а наниматель

оказывался связанным основаниями прекращения трудового договора, предусмотренными законом. К. М. Варшавский в данной норме также видел принцип стабильности трудового правоотношения, суть которого им сводилась к тому, что трудящийся не будет равноправен с нанимателем, пока не получит гарантий от произвольного расторжения договора [5]. КЗоТ РСФСР 1971 г. с последующими изменениями расширил основания, процедуры и гарантии, которые должны соблюдаться при прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя [3, с. 14]. Они были учтены и несколько изменены при принятии Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) в 2001 г. [1].

В настоящее время, по мнению И. А. Костян, российское законодательство предусматривает довольно жесткие требования к процедуре прекращения трудового договора с работниками по инициативе работодателя, условно подразделяя их на три группы: 1) общие, свойственные увольнению всех работников по всем без исключения основаниям; 2) особые, характерные для увольнения работников по отдельным основаниям; 3) специальные, установленные для определенных категорий работников [7]. Анализ законодательства и мнений правоведов позволяет к *общим требованиям* отнести запрет увольнения: без законного основания, без учета фактических обстоятельств прекращения трудового договора, с нарушением установленного порядка увольнения, закрепленный в п. 60 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление) [2], а также предусмотренный ч. 6 ст. 81 ТК РФ запрет на увольнение работника по инициативе работодателя в период его временной нетрудоспособности и в период пребывания в отпуске (за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем). К *особым требованиям*, характерным для увольнения работников по отдельным основаниям, можно отнести сложные процедуры увольнения работников в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем; в связи с сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя; в связи с несоответствием работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации. *Специальные требования* предъявляются к процедуре прекращения трудового договора при увольнении по инициативе работодателя отдельных категорий работников, нуждающихся в дополнительных правовых мерах защиты (избранных в профсоюзные органы и комиссии по трудовым спорам; избранных на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления; женщин, которые на момент увольнения являются беременными, женщин, имеющих детей, лиц, воспитывающих детей без матери, иных лиц с семейными обязанностями; лиц в возрасте до восемнадцати лет).

Нельзя не согласиться с утверждением И. А. Костян, что все названные требования являются по своей сути правовыми гарантиями – средствами, способами и условиями, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений, в том числе стабильность трудового отношения (ч. 1 ст. 164 ТК РФ). Согласно Постановлению при их реализации должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работников. Однако проблема злоупотреблений правом субъектами трудовых правоотношений – малоизученная проблема трудового права, требующего своего осмысления. Приступая к исследованию сущность данного явления, отметим, что само по себе злоупотребление правом – категория, давно и активно разрабатываемая наукой гражданского права [9, с. 318]. В науке же трудового права пределы осуществления трудовых прав доктринально не изучались, правовая природа и содержание понятия «злоупотребление правом» не определены в ТК РФ и в настоящее время. Полагаем, их можно определить исходя из конституционных принципов о том, что осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц, а также принципы регулирования трудовых отношений. Однако, как отмечает Е. В. Офман, единой концепции содержания понятия «злоупотребление правами» в науке трудового права в настоящее время нет: ряд авторов полагают, что злоупотребление правом является правонарушением (с ними солидарна судебная практика), другие считают, что злоупотребление правом – деяние правомерное [10, с. 12]. Мы присоединяемся к мнению первой группы авторов, полагая, что злоупотребление правом не является правомерным поведением, поскольку лицо, злоупотребляющее правом, затрудняет или делает невозможным осуществление субъективных прав другими субъектами; при злоупотреблении правом нарушаются цели, задачи, принципы, установленные нормативно-правовыми актами; это поведение социально вредное; для ситуации со злоупотреблением правом не характерен такой признак правомерного поведения, как общественная необходимость [4]. По справедливому мнению Н. А. Бриллиантовой и В. В. Архипова, правовое определение понятия «злоупотребление правом» в трудовых отношениях имеет следующие признаки: во-первых, внешняя «непротивоправность» (или даже правомерность) совершенного проступка, во-вторых, игнорирование прав и интересов иной стороны трудового договора, в-третьих, понимание высокой вероятности наступления для иной стороны негативных последствий [4]. Аналогичную позицию высказывает Е. В. Офман, которая пишет, что злоупотребление правом – самостоятельное явление, когда работник или работодатель, формально действуя в рамках права, преследуют цель – причинение вреда и (или) получение необоснованных преимуществ перед другими субъектами трудового права [10, с. 9]. В науке трудового права отмечается, что злоупотребление правом возможно и в иных формах: желание получить дополнительные материальные средства, же-

ление «наказать» работодателя, восстановить превратно понимаемую «справедливость», игнорирование интересов другой стороны правоотношения [9, с. 320].

Формулируя определение злоупотребления правом в трудовых отношениях, необходимо отметить, что его сторонами гипотетически являются работодатель и работник. К наиболее типичными и возможным проявлениями злоупотребления сторонами трудового договора своими правами при расторжении трудового договора по инициативе работодателя можно отнести: увольнение по инициативе работодателя связанные не с работой, а с личностью работника (частые болезни работника или его детей, отсутствие на работе по причине необходимости ухода членами семьи, активное участие в деятельности профсоюзной организации, беременности и т.д.); отказ выборного органа профсоюзной организации в согласовании увольнения работника по инициативе работодателя в случаях, не связанных с профсоюзной деятельностью работника, а порожденный только субъективными обстоятельствами; отказ от учета тяжести совершенного проступка и обстоятельств, при которых он был совершен при увольнении работника по инициативе работодателя или увольнение работника без выяснения причин его долговременного отсутствия с целью облегчения процедуры прекращения трудовых отношений; неполучение работником трудовой книжки при увольнении с целью максимального увеличения компенсации в виде возмещения заработка за якобы препятствование работодателем трудоустройству на новое место работы путем своевременной невыдачи работнику трудовой книжки [8, с. 72]. Однако, как отмечает А. В. Юдин, в судебной практике чаще встречаются случаи ненадлежащей реализации работником своих прав в сфере наемного труда [11]. Это может быть сокрытие работником временной нетрудоспособности на дату увольнения, сокрытие факта членства в профессиональном союзе, сокрытие информации о беременности и пр. Причина тому – пробелы и противоречия в трудовом законодательстве [12-15]. Так, несмотря на то, что ни в одном из нормативных актов не предусмотрена обязанность работника или его представителей сообщать работодателю о получении листка нетрудоспособности до выхода на работу, ст. 81 ТК РФ запрещает производить увольнение работника в период временной нетрудоспособности. Это упущение законодателя порождало и порождает возникновение конфликтных ситуаций и провоцирует на злоупотребление правами недобросовестных работников. Масштабы подобных злоупотреблений потребовали разъяснений со стороны Верховного Суда РФ – в п. 27 Постановления применительно к упомянутой ситуации сказано: «...недопустимо сокрытие работником временной нетрудоспособности на время его увольнения с работы ... При установлении судом факта злоупотребления работником правом суд может отказать в удовлетворении его иска о восстановлении на работе (изменив при этом по просьбе работника, уволенного в период временной нетрудоспособности, дату увольнения), поскольку в указанном случае работодатель

не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны работника». Аналогичные правила следует распространить и на иные подобные случаи злоупотреблений правом.

Из вышеизложенного следует, что вопрос о квалификации каждого конкретного действия в качестве злоупотребления правом суд обычно решает, проанализировав объективные и субъективные факторы, имевшие место при осуществлении права. При этом во время судебного разбирательства при сборе и формировании доказательств в отношении недобросовестного работника работодателю следует доказать сам факт злоупотребления правом, а именно: умысел в действиях (бездействии) работника или наличие выгоды для работника и наличие вреда, причиненного работодателю в результате злоупотребления правом, а также причинно-следственную связь между действиями работника, его выгодой и вредом, причиненным работодателю. В свою очередь, злоупотребление работодателем правом должен доказать работник. И даже в случае успешного завершения процесса, установив злоупотребление правом в любой форме, суд в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ может применить единственную санкцию в виде отказа в защите прав, отказа в удовлетворении исковых требований. Мы солидарны с мнением ученых, полагающих, что такое правовое последствие злоупотребления правом недостаточно для восстановления интересов пострадавшей стороны. Необходимо на уровне закона четко установить правовые последствия, следующие за злоупотреблением правом, например: обязать злоупотребившего правом субъекта возместить причиненный им ущерб и (или) освободить лиц, добросовестно выполняющих свои трудовые обязанности, от несения неблагоприятных последствий, возникших в результате злоупотребления правом. Подобные правила уже имеются в зарубежном законодательстве.

Подводя итог, отметим, что проблема злоупотребления правом в трудовых отношениях в целом и при расторжении трудового договора по инициативе работодателя, в частности в нашей стране, часто затрагивается, что напрямую связано с несовершенством норм, регулирующих данное правовое явление, с пробелами в праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [с посл. изм.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
2. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верх. Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Рос. газ. – 2004. – 16 марта.

3. Агафонова Г. А. Прекращение трудового договора по инициативе работодателя по основаниям, не связанным с виной работника: монография. – М.: Проспект, 2011. – 128 с.
4. Бриллиантова Н. А. Злоупотребление правом в трудовых отношениях // Кадровик.ру. Национальный союз кадровиков. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=10431>.
5. Варшавский К. М. Трудовое право СССР. – Л., 1924. – С. 73.
6. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. – М., 2006. – С. 7.
7. Костян И. А. Гарантии при увольнении работников по инициативе работодателя: отдельные вопросы правоприменения // Трудовое право. – 2009. – № 10. – С. 100-108.
8. Ломакин А. Злоупотребление правом со стороны работника при увольнении по инициативе работодателя // Трудовое право. – 2012. – № 11. – С. 69-80.
9. Лушников А. М. Курс трудового права: Учебник в 2 Т. Том 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 84.
10. Офман Е. В. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений. Автореф. дисс.. канд. юрид. наук / Е.М. Офман. – Екатеринбург, 2006. – С. 12.
11. Юдин А. В. Злоупотребление правом в трудовых отношениях / А.В Юдин [Электронный ресурс] // Трудовое право. – 2007. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: – Режим доступа : http://www.juristlib.ru/book_3211.html/.
12. Определение Московского городского суда от 06.03.2012 по делу № 33-7091 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 27.10.2013 г.
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.12.2012 № 11-26295/2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 27.10.2013 г.
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.11.2012 по делу № 11-24838 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 27.10.2013 г.
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.11.2012 по делу № 11-6225 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления : 27.10.2013 г.

МАЛЫШЕВА А.В., МИРОНОВ С.А.

**НЕЗАКОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО МНОГОКВАРТИРНЫХ
ДОМОВ НА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ
ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Аннотация: Статья посвящена анализу правоотношений в сфере предоставления земельных участков для индивидуального жилищного строительства в части проблем законодательного регулирования, обуславливающих возможность незаконного строительства на таких земельных участках многоквартирных жилых домов.

Ключевые слова: объект индивидуального жилищного строительства, земельный участок, многоквартирный жилой дом, разрешение на строительство.

MALIYSHEVA A.V., MIRONOV S.A.

**APARTMENT BUILDINGS' ILLEGAL CONSTRUCTION ON LAND LOTS
ASSIGNED FOR PRIVATE HOUSING CONSTRUCTION**

Abstract: The paper considers the legal procedure of land lots' assigning for private housing construction. Particularly, the authors study the grey areas of Russian legislation that enable illegal apartment buildings construction on such land lots by their owners.

Keywords: object of individual housing construction, the ground area, a multiroom apartment house, the building licence.

По данным, приведенным в юридической литературе, факты незаконного строительства многоквартирных домов на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства, невыполнения требований государственной регистрации договоров участия в долевом строительстве, нарушений установленного порядка приема и использования средств дольщиков неоднократно выявляются в ходе проведения проверок органами прокуратуры Российской Федерации [1].

Как правило, строительство многоквартирных домов на земельных участках, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, осуществляется следующим образом.

Группой лиц или одним лицом приобретается земельный участок под индивидуальное жилищное строительство (иногда для приобретения земельного участка используют так называемых «подставных» лиц, при этом застройку земельного участка могут осуществлять лица, не являющиеся собственниками данного земельного участка). На приобретенном земельном участке строится многоквартирный жилой дом с максимальной плотностью

застройки земельного участка и отсутствием проектной документации, поскольку экспертиза проектной документации объектов индивидуального жилищного строительства не производится в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрСК РФ). Перед началом или во время строительства жилого дома незаконный застройщик продает квартиры в строящемся жилом доме, заключая инвестиционные договоры или договоры долевого строительства, часто без регистрации этих договоров в Росреестре.

Осуществив строительство данного жилого дома с нарушением целевого назначения земельного участка, а также с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил, незаконный застройщик направляет «подставного» собственника земельного участка для обращения в суд общей юрисдикции (поскольку собственник земельного участка является физическим лицом) с исковыми требованиями о признании права собственности на возведенное строение (самовольную постройку) в порядке пункта 3 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации. Поскольку формально данный дом не является многоквартирным, суд признает право собственности на возведенный дом за «подставным» собственником земельного участка. Далее «подставной» собственник земельного участка регистрирует право собственности на самовольно построенный жилой дом в Росреестре.

После этого покупатели квартир подают требования о признании права собственности на приобретенные квартиры (как доли в праве собственности на жилой дом) и доли в праве собственности на земельный участок в суд общей юрисдикции. Суд удовлетворяет поданные требования, поскольку сам договор в этом случае соответствует закону [2].

Очевидно, что осуществление строительства жилых домов подобным образом имеет ряд негативных последствий. Покупатели квартир в таком доме лишаются возможности предъявления претензий к застройщику относительно качества строительства, поскольку правила и гарантии, применяемые к строительству многоквартирного дома, в данном случае не применяются – по проекту строительства такого дома не проводится экспертиза, приемка дома контролирующими органами (пожарной инспекцией, санитарной службой и др.) не осуществляется, технические характеристики не проверяются. Возведение многоквартирных домов в зоне индивидуальной жилой застройки нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, проживающих рядом с ними. Нахождение многоквартирных домов в зоне индивидуальной жилой застройки создает чрезмерную нагрузку на системы водоснабжения, водоотведения, электро- и газоснабжения, нарушаются нормы инсоляции, требования пожарной безопасности, создается нехватка парковочных мест.

В целях защиты и восстановления нарушенных прав покупателей «незаконных»

квартир, а также в целях защиты и восстановления прав иных лиц (чьи права нарушаются осуществлением незаконного строительства) органы прокуратуры принимают меры по пресечению незаконного строительства или устранению уже совершившегося нарушения закона – обращаются в суд с требованием о признании жилых домов самовольными постройками и их сносе.

Так, решением Приволжского районного суда г. Казани от 11 марта 2012 г. удовлетворены иски прокурора Приволжского района о признании жилого дома, расположенного на земельном участке в г. Казани, самовольной постройкой. По решению суда застройщик Ширяев обязуется снести указанный дом. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан от 31 мая 2012 г. это решение суда оставлено без изменения. Также заочным решением Кировского районного суда г. Казани от 27 марта 2012 г. удовлетворено заявление прокурора в интересах неопределенного круга лиц к застройщику Варисовой об обязательстве снести самовольный дом. В настоящее время дело находится в производстве суда апелляционной инстанции [3].

Попытки исследования заявленной проблемы закономерно обуславливают вопрос о том, какие обстоятельства формируют (создают) условия для осуществления такого рода незаконного строительства?

Одно из таких обстоятельств – отсутствие в законодательстве требования о необходимости получения разрешения на строительство индивидуального жилого дома и разрешения на ввод такого объекта в эксплуатацию. В соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» введен упрощенный порядок оформления права собственности граждан на предоставленные до введения в действие Земельного кодекса РФ земельные участки, предназначенные для ведения личного подсобного хозяйства, огородничества, садоводства, дачного хозяйства, индивидуального жилищного и индивидуального гаражного строительства и построенные на них дома, гаражи, садовые домики, дачи и иные объекты недвижимости. Таким законом установлен упрощенный порядок оформления права собственности на индивидуальный жилой дом, в соответствии с которым до 1 марта 2015 г. не требуется получать разрешение на строительство индивидуального жилого дома и разрешение на ввод такого объекта в эксплуатацию. Согласно ст. 25.3 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» основаниями для государственной регистрации права собственности гражданина на объект индивидуального

жилищного строительства, создаваемый или созданный на земельном участке, предназначенном для индивидуального жилищного строительства, являются документы, подтверждающие факт создания такого объекта недвижимого имущества и содержащие его описание, правоустанавливающий документ на земельный участок, на котором расположен такой объект недвижимого имущества. До 1 марта 2015 г. кадастровый паспорт объекта индивидуального жилищного строительства является единственным документом, подтверждающим факт создания такого объекта индивидуального жилищного строительства на указанном земельном участке и содержащим его описание.

Безусловно, норма об упрощенной регистрации прав существенно облегчает гражданам процедуру узаконения домов, построенных в свое время без получения разрешения на строительство и разрешения на ввод объекта в эксплуатацию. В то же время эта норма позволяет распространять ее действие также и в отношении вновь строящихся объектов недвижимости, что ввиду рассматриваемых злоупотреблений является недопустимым.

Предоставление и использование земельного участка для индивидуального жилищного строительства определяется нормами различной отраслевой принадлежности, принципиальное значение среди которых имеет норма, определяющая понятие объекта индивидуального жилищного строительства. Следует сделать оговорку: специальной статьи, посвященной определению названного понятия, действующее законодательство не содержит. Однако Градостроительный кодекс, применительно к понятию объектов жилищного строительства, содержит следующие формулировки:

«Статья 49. Государственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий

2. Государственная экспертиза не проводится в отношении проектной документации следующих объектов капитального строительства:

1) отдельно стоящие жилые дома с количеством этажей не более трёх, предназначенные для проживания одной семьи (объекты индивидуального жилищного строительства);

2) жилые дома с количеством этажей не более трёх, состоящие из нескольких блоков, количество которых не превышает десять, и каждый из которых предназначен для проживания одной семьи, имеет общую стену (общие стены) без проемов с соседним блоком или соседними блоками, расположен на отдельном земельном участке и имеет выход на территорию общего пользования (жилые дома блокированной застройки);

3) многоквартирные дома с количеством этажей не более трёх, состоящие из одной или нескольких блок-секций, количество которых не превышает четыре, в каждой из

которых находятся несколько квартир и помещения общего пользования и каждая из которых имеет отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования».

Анализ содержания представленной статьи позволяет сделать однозначное заключение о том, что под объектами индивидуального жилищного строительства понимаются отдельно стоящие жилые дома с количеством этажей не более трех, предназначенные для проживания одной семьи. Очевидно, что объект индивидуального жилищного строительства является разновидностью объектов жилищного строительства. Вместе с тем, признаков, отличающих рассматриваемый объект от других объектов жилищного строительства в статье явно недостаточно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанная статья не содержит определения конструктивных особенностей объекта индивидуального жилищного строительства, указания на максимальную его площадь и другие определяющие его особенности признаки, среди которых особое значение, на наш взгляд, имеет признак, определяющий функциональное значение объекта – предназначенность для проживания одной семьи и техническая невозможность перестройки его без несоразмерных затрат и нанесения несоразмерного ущерба в многоквартирный дом. Представляется, что наличие названных признаков объекта индивидуального жилищного строительства и соответствующее их закрепление в законе будет способствовать формированию условий, при которых нелегальная застройка земельного участка, предоставленного для индивидуального жилищного строительства, многоквартирным домом будет невозможной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенюк О. Б. Правозащитная деятельность прокуратуры по восстановлению жилищных прав обманутых дольщиков // Законность. – 2013. – № 1. – С. 28.
2. Калинина Л. Е. Правовой аспект предпринимательской деятельности в строительстве // Вестник арбитражной практики. – 2012. – № 3. – С. 34-35.
3. Шакирова З. М. Как прекратить незаконное строительство многоквартирных домов на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства // Законность. – 2013. – № 1. – С. 41.

БУРДИНА Е.В., САЛИХОВА Л.Н.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РАЗУМНОМ СРОКЕ В ПРАКТИКЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: Статья посвящена исследованию содержания принципа разумности срока в прецедентной практике Европейского суда по правам человека. На основе анализа постановлений ЕСПЧ делается вывод о критериях разумности срока судопроизводства.

Ключевые слова: разумный срок, принцип гражданского судопроизводства, Европейский суд по правам человека, прецедентная практика.

BURDINA E.V., SALIKHOVA L.N.

**REASONABLE TERM INTERPRETATION IN PRACTICE OF EUROPEAN COURT
ON HUMAN RIGHTS**

Abstract: The paper studies the constituents of reasonable term concept according to the case law of European Court on Human Rights. Considering the ECHR decisions, the authors draw a conclusion about the criteria of reasonableness of the proceedings' duration.

Keywords: reasonable term, the principle of civil legal proceedings, the European court on human rights, case practice.

Статья 6.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1], предусматривающая осуществление судопроизводства и исполнение судебного постановления в разумный срок, была введена в российскую правовую систему в связи с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 года «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [2]. Закрепление принципа разумного срока судопроизводства свидетельствует о развитии системы принципов правосудия по гражданским делам, что в свою очередь отражает социально-политические изменения, которые происходят в современном государстве и обществе.

Принцип разумного срока в гражданском судопроизводстве призван повысить эффективность правосудия путем обеспечения гарантии вынесения судом решения в такой период времени, в течение которого суд должен своевременно и правильно рассмотреть дело, вынести законный и обоснованный судебный акт, которым в полном объеме будет разрешена правовая ситуация, а права, свободы и законные интересы участвующих в деле лиц получат надлежащую правовую защиту.

Соблюдение сроков рассмотрения гражданских дел является одной из задач гражданского судопроизводства и неоднократно становилось предметом постановлений Пленума Верховного

Суда Российской Федерации. Однако в качестве принципа гражданского судопроизводства идея разумного срока была нормативно закреплена под влиянием международно-правовых стандартов правосудия и прецедентной практики Европейского суда по правам человека. Закрепление в законодательстве Российской Федерации правила о разбирательстве дела в разумный срок корреспондирует требованиям ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Россией в 1998 году [3], которая определяет, что «каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом».

В п. 5 постановления по делу Стогмюллера против Австрии 1969 года Европейский суд в качестве цели данной гарантии указывает «защиту всех сторон в судебном разбирательстве от чрезмерного затягивания судебной процедуры».

Применение указанных норм на практике и процесс следования принципу разумного срока предполагает выявление сущностных характеристик понятия «разумный срок судопроизводства», которое, являясь оценочным, определяет масштаб судейского усмотрения при оценке временного периода рассмотрения и разрешения конкретного дела.

С точки зрения русского языка прилагательное «разумный» определяется как: а) обладающий разумом, б) толковый, рассудительный, в) логичный, основанный на разуме, целесообразный [4]. Вместе с тем нормативного определения понятия «разумный срок» применительно к процессуальным правоотношениям процессуальный закон не содержит. Оценочные понятия «разумный», «разумность» присутствуют не только в процессуальных, но и в материальных нормах права, в силу чего в юридической литературе проблемам оценочных категорий посвящены научные труды ученых разных юридических отраслей. Упоминание о разумности наиболее часто прослеживается в исследованиях, посвященных судейскому усмотрению, оценочным понятиям гражданского права. Интерпретационные характеристики понятия «разумный срок судопроизводства» в научной процессуальной цивилистике не имеют должного обоснования.

Содержащийся в ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ набор правил определения разумности лишен ясности [5], в силу чего на современном этапе развития цивилистической процессуальной доктрины необходимо осмыслить содержание принципа, выработать критерии определения разумности срока. Дополнительного разъяснения также требует вопрос, касающийся определения момента, с которого должен исчисляться разумный срок. Следует уяснить соотношение понятий «разумный срок судопроизводства» и «процессуальные сроки», решить вопрос об их тождестве. Дискуссионным является вопрос о возможности признания установленные законом процессуальные сроки априори как разумные [6].

В юридической литературе по ряду вопросов авторы предлагают свои решения, но работ, в частности монографических, предметно посвященных анализу содержания понятия «разумный срок», до сих пор нет.

Изложенные проблемные вопросы, остающиеся на сегодняшний день без ответа, определяют теоретическую и практическую актуальность выбранной темы.

Принятие Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» усилило ответственность государства за нарушение срока судопроизводства как элемента надлежащего правосудия и механизма судебной защиты граждан и организаций. Значение Закона сводится к установлению критериев разумности процессуальных сроков. Анализ решений судов, применяющих термин разумный срок показывает, что данное оценочное понятие определяется судами не абстрактно, а исходя из самых разных обстоятельств, вытекающих из содержания конкретных правоотношений, что обуславливает трудности интерпретатора (суда) по определению рамок временных периодов, находящихся под влиянием судебской дискреции.

Нарушение прав граждан на судебное разбирательство дела в разумный срок по сей день продолжает оставаться предметом рассмотрения в Европейском суде по правам человека [7]. Согласно статистическим данным, приведенным по официальному ежегодному отчету Европейского суда по правам человека за 2012 год, общее количество жалоб, поданных против России, составило 10755 [8]. Таким образом, Россия занимает 21 место в рейтинге стран по количеству жалоб на 10 000 жителей, тогда как еще в 1999 году место было 33 [9]. По жалобам на нарушение статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод в период с 1959 по 2012 годы относительно России было вынесено 1262 постановления, которыми признано хотя бы одно нарушение, 215 из которых (17,03 %) касаются права на судебное разбирательство в разумный срок и длительного исполнения судебного решения [10].

Так какова позиция Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в определении оценочного понятия «разумные сроки» и его критериев?

Первым делом, в котором ЕСПЧ установил нарушение принципа разумного срока судопроизводства, явилось дело Калашников против России (2002 г.). Обстоятельства дела таковы: 8 февраля 1995 г. против него было возбуждено уголовное дело, 29 июня 1995 года заявитель был взят под стражу и приговором Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. был обвинен в присвоении (растрате) и приговорен к отбытию наказания в местах лишения свободы. Таким образом, дело рассматривалось в суде первой инстанции более 4 лет. Суд единогласно постановил, что имело место нарушение принципа разумного срока, то есть положений ст. 6.1 Конвенции.

В п. 125 решения по делу ЕСПЧ указал «Суд напоминает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете конкретных обстоятельств дела, внимание должно уделяться критериям, выработанным прецедентным правом Суда, в частности, сложности дела, поведению заявителя и поведению компетентных органов. Кроме того также должно приниматься во внимание, каков был характер процесса, и какое значение он имел для заявителя».

В деле Кормачева против России 2005 года срок рассмотрения составил более 6 лет (с 1996 года по 2003 год). В п. 51 решения по делу ЕСПЧ повторяет, что «разумность продолжительности разбирательства спора должна быть оценена с учетом обстоятельств дела в свете критериев, установленных его прецедентным правом, а именно – сложность дела, поведение заявителя и властей, и какой интерес представляли для заявителя результаты спора». Отметив, что предметом разбирательства являлся обыкновенный трудовой спор, не представляющий собой особой сложности, с учетом того, что поведение заявителя не повлияло на длительность разбирательства, Суд делает вывод о том, что дело заявителя не было рассмотрено в пределах разумного срока. Соответственно имелось нарушение ч. 1 ст. 6 Конвенции.

Эти же критерии оценки разумности срока судебного разбирательства находим в формулировке ЕСПЧ: «должна быть оценена в свете обстоятельств дела, на основании критериев, установленных прецедентной практикой Суда, в частности сложности дела, поведения заявителя и соответствующих властей, а также того, насколько важен был предмет спора для заявителя». Данная позиция содержится в постановлениях по делу Вохминой против России 2005 года (п. 25), продолжительность дела составила 3 года 7 месяцев, Левшиных против России 2000 года (п. 28), Плаксина против России 1999 года (п. 39), разбирательство по которому продолжалось более 5,5 лет, Волович против России 2006 года, в котором спор о компенсации вреда, причиненного здоровью, затянулся более чем на 5 лет (п. 26).

В деле Давыдова против России 2005 года Европейский Суд вновь отмечает, что разумность срока судебного разбирательства должна рассматриваться в свете обстоятельств дела и с учетом следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти» (п. 31). Данная правовая позиция была выражена Судом и в деле Баранцева против России 2010 года, общий срок судебного разбирательства которого составил семь лет и два месяца.

Аналогичные критерии послужили ориентиром в принятии Судом постановлений по делу Трошкина против России 2009 года (п. 27), Грибаненкова против России 2010 года, Куприных против России 2010 года, Давидян против России 2009 года, Макарова против России 2009 года и других.

Европейский суд, рассматривая жалобы на несоблюдение национальным судом разумных сроков судопроизводства, не формулирует дефиницию «разумный срок» и ориентирует учитывать критерии определения разумности сроков, установленные прецедентным правом.

В прецедентных актах Суда сформулированы следующие критерии, руководствуясь которыми можно правильно решить вопрос о разумности или неразумности сроков судопроизводства, к числу которых относятся: сложность дела; поведение заявителя; поведение суда; значимость дела для заявителя.

Таким образом, Европейский суд определяет понятие «разумный срок» через совокупность его существенных признаков с учетом особенностей судопроизводства по конкретным категориям дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. с изм. и доп. на 2.10.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

2. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федер. Закон от 21.04.2010 г. № 68-ФЗ// Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996. – С. 644.

5. Грель Я. В. Новации о разумном сроке в контексте эффективности судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 20-23.

6. Демидчик Н. В. К вопросу о разумности срока // Правосудие в Республике Мордовия. – 2011. – № 5. – С.43-46.

7. Переплеснина Е. М. Развитие судебной практики в Европейском суде по правам человека после введения в действие Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российский судья. – 2012. – № 3. – С.18-22.

8. Статистика ЕСПЧ. Распределение по государствам-ответчикам и населению государств-ответчиков жалоб, переданных на рассмотрение судей Европейского суда по правам человека в 2007-2012 годах. Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_4.pdf (дата обращения: 01.10.2013).

9. Европейский суд по правам человека, статистика за 2012 год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pavel-shipilin.livejournal.com/51863.html> (дата обращения: 01.10.2013).

10. Статистика ЕСПЧ. Нарушения, признанные ЕСПЧ в результате рассмотрения жалоб в 1959-2012 годах: по статьям Конвенции и Протоколов к ней и государствам-ответчикам. Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_19.pdf (дата обращения: 01.10.2013).

БУРДИНА Е.В., ВИШНЯКОВА И.А
МОТИВИРОВАННОСТЬ КАК СВОЙСТВО СУДЕБНЫХ АКТОВ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: В статье исследуется мотивированность судебного акта в числе требований, предъявляемых к содержанию судебного акта. На основе сравнительно-правового анализа делается вывод о различиях правовых традиций по отражению мотивов принятия решения судом в странах общего и континентального права, высказаны суждения относительно специфики мотивированности судебных решений в российских судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: судебные акты, решение, постановления, законность, обоснованность, мотивированность, толкование норм права.

BURDINA E.B., VISHNYAKOVA I.A.
VALIDITY AS PROPERTY OF JUDICIAL ACTS ON CIVIL CASES

Abstract: The paper considers validity as a requirement to the judicial act contents. The authors carry out a comparative legal analysis to reveal the distinctions of different legal traditions on motives of court decision-making in the countries of general and continental law. The study also considers the specifics of decision-making motivation in the Russian court of law.

Keywords: judicial acts, judgment, judicial resolution, legality, validity, motivation, interpretation of rules of law.

Судебные акты по гражданским делам есть следствие реализации государственно-властных полномочий суда по отправлению правосудия, что актуализирует проблематику уяснения их правовой конструкции. Значение судебных процессуальных актов заключается в том, что посредством указанных актов разрешаются конкретные материальные и/или процессуальные вопросы, тем самым реализуется судебная власть. Судебные акты, являющиеся важным элементом ее механизма, обеспечивают закрепленное международно-правовыми документами и Конституцией Российской Федерации право каждого на судебную защиту, поскольку ключевые позиции такой защиты связываются с судебным решением и другими актами суда. В силу этого к содержанию и форме судебного решения предъявляются законодательно определенные требования, в числе которых требования его законности и обоснованности (п. 1 ст. 195 ГПК РФ).

Мотивированность судебного решения в качестве его требования законодатель напрямую не называет. Однако согласно пп. 1, 4 ст. 198 ГПК РФ «решение суда состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей»; где в «мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на

которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд [1]».

Подобное правовое регулирование послужило основанием для имеющих в литературе утверждений о «существовании в ГПК РФ требования мотивированности решения суда, которое в отличие от АПК РФ (ч. 3 ст. 15) прямо законодательно не закреплено, однако следует из анализа ряда норм ГПК РФ» [2].

При отсутствии законодательной ясности по вопросам о понятии и содержании мотивированности судебного акта они требуют теоретико-правового разрешения.

В теории гражданского процесса многими авторами поддерживается идея мотивированности судебного решения как его самостоятельного требования.

По мнению М. А. Викут, «мотивированность не тождественна требованию обоснованности, поскольку обоснованность означает, что выводы, к которым пришел суд, должны базироваться на доказательствах, а мотивированность означает наличие в судебном постановлении ссылки на доказательства, оценки доказательств, толкования применяемой судом правовой нормы при квалификации судом спорного правоотношения» [3].

К. А. Лебедь считает мотивированность «самостоятельным требованием, которое нужно отличать от обоснованности судебного решения», полагая, что мотивированность заключается в «необходимости акцентирования внимания суда на действиях по мотивировке решения, на обязательности указания в решении совокупности мотивов, которые бы показывали, какую мыслительную, логико-практическую деятельность осуществил суд при принятии решения» [4].

С точки зрения Е. В. Хахалевой, «мотивированным следует считать решение суда, в котором полно и всесторонне отражены результаты деятельности суда по исследованию и оценке всех имеющих значение для дела доказательств с изложением мотивов, по которым одни доказательства приняты судом, а другие отвергнуты им» [5].

Считаем, что мотивированность судебного решения является самостоятельным его требованием, представляет условие обоснованности и законности судебного акта. Мотивировка, включающая в себя обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствуется суд, является необходимым элементом для принятия обоснованного и законного решения, в котором реализуются задачи правосудия по защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

В этой связи нельзя не согласиться с С. К. Загайновой в том, что «законность и обоснованность судебного акта обусловлены и зависят от надлежащего уровня мотивировки. Мотивировка – это отражение логической, мыслительной деятельности суда при реализации в

конкретном судебном акте требований законности и обоснованности, которые будут иметь надлежащий характер только тогда, когда в этих требованиях будет четко отражаться алгоритм рассуждений. Данный алгоритм судебной мыслительной деятельности по вопросам применения права, по вопросам оценки фактических обстоятельств дела, оценки доказательств и составляет такое качество судебного акта, как мотивированность» [7].

Утверждение о мотивированности как непереносимом качестве судебного решения основано на международно-правовых стандартах надлежащего правосудия, поскольку право на получение мотивированного решения является одной из гарантий, закреплённых в п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8].

Суды при вынесении мотивированного решения прибегают к толкованию норм права, что является необходимым элементом судебной деятельности. В юридической литературе выделяют следующие виды толкования: буквальное (адекватное), ограничительное и расширительное (распространительное). При буквальном толковании словесное выражение нормы права и ее действительный смысл совпадают, дух и буква адекватны, при ограничительном толковании норме права придается более узкий смысл, чем это вытекает из буквального текста толкуемой нормы, при расширительном толковании норме права придается более широкий смысл, чем это вытекает из ее словесного выражения [9].

В правовых системах различаются роль судебных актов и судей в поддержании и развитии правопорядка. Традиция осмысления роли судов в правовом развитии систем общего права значительно богаче, чем в системе континентального права. По этой причине «континентальная юриспруденция не выработала столь изощренных теорий судебской функции и судебного толкования, которые обнаруживаются в странах общего права» [10]. В этой связи считаем, что традиции, связанные с качеством мотивированности судебного акта, степенью и объемом отраженного в судебном акте логико-правового анализа и толкования нормативных актов, различны в странах общего и континентального права.

В странах общего права судебный прецедент является источником права, судебная деятельность носит не только правоприменительный, но и правотворческий характер, что обуславливает многогранное, детальное изложение мотивов принятия решения. Одним из основных правил толкования законов (статуты) здесь является «правило исправления зла», которое предлагает судьям активно способствовать достижению законодательных целей и способствует расширительному толкованию существующих норм права.

В странах континентального права суды, как правило, толкуют нормы права буквально. В конце XX века французский ученый Рене Давид резюмировал: «Никто не считает более закон единственным источником права и не полагает, что чисто логическое толкование закона может во всех случаях привести к нахождению искомого правового решения» [11]. Поэтому, несмотря

на то, что в странах континентального права суд не создает норм права, мотивируя решение в меньшем объеме, но он всё же прибегает к толкованию, которое «охватывает как толкование в обычном смысле слова, или интерпретацию (interpretation), так и собственно толкование, или углубленное толкование (construction)» [10].

Различия в подходах к качеству и степени мотивированности судебного решения в основных правовых системах позволило А. Н. Верещагину определить особенности российской традиции составления мотивированного судебного акта. По мнению указанного автора, «суды стран общего права склонны погружаться в детальный, иногда мелочный анализ, стараясь различить почти неразличимые оттенки смысла и формулировок, в то время как российские суды, напротив, порой игнорируют важные детали, которые заслуживали бы большего внимания. Во многих случаях они склонны типизировать и упрощать в ущерб реальным сложностям и особенностям конкретных дел» [10].

Анализ решений районных судов Республики Мордовия, размещенных на Интернет-сайтах районных судов, с точки зрения требований к их мотивированности позволил сформулировать следующие выводы.

1. Районные суды Республики Мордовия по-разному подходят к вопросу о необходимости отражения логико-правовой деятельности суда при толковании норм права в своих решениях. Так, в восьми из двадцати проанализированных решениях, принятых судом первой инстанции, процесс толкования (уяснение смысла норм права) в тексте решения не отражен. Толкование норм права, по сути, рассматривается как автоматическое, само собой разумеющееся мыслительное действие. В таких решениях суды, указав норму права, не разъясняя её, делают вывод об обстоятельствах дела, автоматически презюмируя применимость к ним названной нормы (напр.: решение Октябрьского районного суда г. Саранска РМ по делу № 2-1377/2013 от 7 августа 2013 г.). Следует указать, что отсутствие прямого толкования нормы в решении не свидетельствует об отсутствии в данном случае толкования вообще. Имеет место уяснение, выявление смысла норм права самим интерпретатором (судом), но отсутствует разъяснение, доведение этого смысла до сведения других заинтересованных лиц, что свойственно российской правовой традиции.

В других решениях, напротив, суды ясно прибегают к толкованию норм права, указывая на это в тексте решения. Так, в решении Ленинского районного суда г. Саранска РМ по делу № 2-3008/2013 от 3 сентября 2013 г. уясняется смысл нормы, закрепленной п. 4 статьи 29 ЖК РФ. Суд указывает, что данная норма закона «предусматривает одно из правовых последствий самовольной перепланировки жилого помещения, в том числе и возможность её легализации в судебном порядке».

2. Выражение позиции суда по уяснению смысла нормы права находится в прямой зависимости от самой применяемой нормы материального права. Применяемые нормы права, содержащие оценочные категории, такие, как разумность, обычность, существенность, добросовестность, соразмерность и т.п., по своей правовой природе требуют толкования и конкретизации применительно к конкретным обстоятельствам, что влечет формирование усмотрения суда и отражения мотивов принятия решения в его тексте.

Так, применяя ст. 333 ГК РФ, Дубёнский районный суд РМ в решении по делу №2-267/2013 от 2 июля 2013 г. указал: суд уменьшает размер неустойки, так как считает, что имеет место явная несоразмерность подлежащей уплате неустойки последствиям нарушения обязательств.

3. Объем мотивировочной части решений суда различен и зависит от сложности дела, объёма доказательств, представленных сторонами, нормативной базы, регулирующей те или иные отношения.

Мотивировочная часть является составной частью судебного постановления. Однако в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части решения суда может быть указано только на признание иска и принятие его судом, а также в случае отказа в иске в связи с признанием неубажительными причин пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств. Для судебного приказа наличие мотивированности не является требованием, установленным законодателем.

Значительные отступления от требования мотивированности введены Федеральным законом от 4 марта 2013 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Суть нововведений, изменивших ст. 199 ГПК РФ, заключаются в том, что составление мотивированного решения суда, по общему правилу, является правом, а не обязанностью мировых судей. Мировой судья обязан составить мотивированное решение лишь в случае поступления от лиц, участвующих в деле, их представителей в установленный законом срок заявления о составлении мотивированного решения суда.

Если отсутствие мотивировочной части в судебном приказе обусловлено спецификой приказного производства, где требования заявителя основаны на документах, которые бесспорно подтверждают наличие обязательств; а упрощения, предусмотренные пунктом 4 статьи 198 ГПК РФ, – спецификой оснований принятия решения, при которых не имеет смысла раскрытие мотивов, то упрощение порядка принятия решений мировыми судьями порождает вопросы относительно возможных препятствий в доступе к правосудию [12]. Поскольку для того, чтобы реализовать право на обжалование судебного акта необходимо в установленный

срок подать заявление о составлении мотивированного решения суда. Следовательно, доступ к правосудию затрудняется, ограничивается.

На основании вышеизложенного считаем необходимым законодательно закрепить мотивированность в качестве обязательного требования, предъявляемого к судебным актам, а любые ограничения указанного требования не должны умалять право каждого на судебную защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 195.
2. Тарабрин Д. В. Мотивированность судебного решения как один из показателей эффективности правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 8. – С. 20-23.
3. Викут М. А. Законность и обоснованность актов социалистического правосудия как главное условие выполнения задач гражданского судопроизводства // Цивилистические проблемы правового статуса личности в социалистическом обществе. – Саратов, 1982. – С. 124.
4. Лебедь К.А. Решение арбитражного суда. – М., 2005. – С. 80.
5. Хахалева Е.В. Обоснованность решения суда общей юрисдикции: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 14.
7. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
8. Еременко М. С. Право на справедливое судебное разбирательство в гражданском процессе: практика Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – СПб., 2005. – С. 609.
9. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2004. – С. 188-189.
10. Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 34-48, 309.
11. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1988.
12. Николайченко О. В. О значении мотивировочной части судебного решения // Вопросы современной юриспруденции: материалы международной научно-практической конференции. – Новосибирск: «ЭКОР-книга», 2012. – С. 30-35.

ЕРЯШЕВА И.В., ЖОЧКИНА И.Н.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ
С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИИ**

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены отдельные проблемы правового регулирования обращения с отходами производства и потребления. Авторами затронуты проблемы законодательного и доктринального определения понятия «отходы». В статье выделены проблемы реализации инструментов административно-правового механизма в рассматриваемой сфере отношений таких, как лицензирование, контроль, нормирование, а также гражданско-правовой аспект – вопросы перехода права собственности на отходы.

Ключевые слова: законодательство, проблемы, окружающая среда, негативное воздействие, безотходное производство, лицензирование, нормирование, контроль.

ERYASHEVA I.V., ZHOCHKINA I.N.

**SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF PRODUCTION AND CONSUMING
WASTE MANAGEMENT IN RUSSIAN FEDERATION**

Abstract: The paper deals with some issues of legal regulation of production and consuming waste management. The authors touch upon the problem of legislative and scholarly defining of ‘waste’ concept. The study focuses on the problems of administrative and legal mechanisms realization in the area regarded. Particularly, the authors consider waste management licensing, supervision, regulation as well as transferring of waste ownership in the framework of civil law.

Keywords: waste legislation , the problems , the environment , the negative effects of pollution, waste-free production , ownership, licensing , regulation and control.

Правовое регулирование в области обращения с отходами имеет целью предотвращение вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую природную среду. Состояние окружающей среды на территории России определяется высокой техногенной нагрузкой, долговременным и непрерывным негативным воздействием на природные комплексы, в том числе в результате образования и накопления отходов производства и потребления. Сложившаяся ситуация является результатом деятельности многочисленных предприятий черной и цветной металлургии,

горнодобывающей промышленности, машиностроения, химической промышленности, энергетического и транспортного комплекса и др.

Сегодня к понятию «отходы» обозначились подходы, сформированные на законодательном уровне в ходе правоприменения, выработанные доктриной экологического права. При этом проблемы в области обращения с отходами производства и потребления можно считать комплексными, поэтому имеет значение не только экологическая наука, но и технические, экономические и т.д. Конституция РФ провозглашает приоритет международных принципов и норм над национальными нормами (ч. 4 ст. 15), в связи с чем необходимо обратиться и к нормам международного права.

Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 1989 г. использует определение отходов как вещества или предметы, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с положениями национального законодательства [1]. Национальное право дает определение отходам производства и потребления как остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства или потребления, а также товары (продукция), утратившие свои потребительские свойства [2]. Нормативно-технические акты, не имеющие юридического содержания, но обладающие неоспоримой практической значимостью выделяют, помимо понятия «отходы» (остатки продуктов или дополнительный продукт, образующиеся в процессе или по завершении определенной деятельности и не используемые в непосредственной связи с этой деятельностью), «отходы производства» (остатки сырья, материалов, веществ, изделий, предметов, образовавшиеся в процессе производства продукции, выполнения работ (услуг) и утратившие полностью или частично исходные потребительские свойства) и «отходы потребления» (остатки веществ, материалов, предметов, изделий, товаров (продукции или изделий), частично или полностью утративших свои первоначальные потребительские свойства для использования по прямому или косвенному назначению в результате физического или морального износа в процессах общественного или личного потребления (жизнедеятельности), использования или эксплуатации) [3]. Как видим, различие проводится в зависимости от вида и целевого назначения использования отходов. Следует отметить, что, несмотря на значимость рассматриваемой проблемы (причем не только для Российского государства), в юридической литературе встречаются единичные исследования по данному направлению, в которых понятие «отходов» практически идентично вышеуказанным [4].

Таким образом, несмотря на кажущуюся разность, эти определения объединяет одно содержание, то есть отходы – это те вещества и материалы, которые не пригодны для

дальнейшего использования по тому назначению, для которого они использовались первоначально.

Существует достаточно проблем применения норм законодательства об отходах: в области нормирования, предоставления отчетности (государственного учета), лицензирования, экологического контроля. В России деятельность в области обращения с отходами производства и потребления осуществляется с помощью этих инструментов административно-правового механизма. Так, нормирование является эффективным средством ограничения негативного воздействия на окружающую среду. Закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» устанавливает специальные правила лицензирования деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов применительно к территории ее осуществления. До 2008 года (до законодательного закрепления ряда понятий в рассматриваемой сфере отношений «сбор отходов» и др.) возникали спорные ситуации в правоприменительной практике в сфере лицензирования, в частности при проведении мероприятий по государственному экологическому надзору [5, с. 32].

Отдельной проблемой, заслуживающей пристального внимания, является проблема взимания платежей за размещение отходов, и, соответственно вопрос перехода права собственности на отходы при их размещении. Так, до настоящего времени данный вопрос является открытым. Многочисленные научные дискуссии в рамках гражданско-правового аспекта оборота отходов производства и потребления позволяют говорить об актуальности рассматриваемой темы.

Статья 16 Закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года №7-ФЗ указывает на платное негативное воздействие на окружающую среду в результате осуществления деятельности в области обращения с отходами производства и потребления. В данном контексте необходимо отделять понятие размещения отходов как вида негативного воздействия на окружающую среду от понятия размещения отходов как вида деятельности. В первом случае размещение отходов является последствием хозяйственной деятельности, во втором – предметом этой деятельности. Соответственно, платным является размещение отходов как вида негативного воздействия, плательщиком за размещение отходов будет являться организация вследствие, а не в процессе хозяйственной деятельности которой данные отходы образуются. Именно такой организацией является образователь отходов, который может передать право собственности на отходы иному лицу, на которого и будет возлагаться далее обязанность по оплате за размещение отходов. Это дает право говорить о том, что существенным при определении плательщика за размещение отходов является определение собственника отходов. Но при этом следует учитывать, что передача отходов

для последующего обращения с ними специализированным организациям при отсутствии сделки об отчуждении передаваемых отходов не может являться основанием для перемены лиц в обязательстве по оплате за размещение отходов.

Анализ судебной практики в разрез вышесказанному позволяет сделать вывод, что законодательство в сфере охраны окружающей среды не содержит норм, обязывающих вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду в зависимости от того, является ли юридическое лицо собственником отходов. Эта обязанность возникает лишь в том случае, если в результате деятельности такого лица происходит воздействие на окружающую среду, подпадающее под перечисленные в Законе об охране окружающей среды виды негативного воздействия [6].

В связи с чем в юридической литературе высказывается мнение, что это может привести к значительному изменению государственного регулирования не только платежей за размещение отходов, но и всей системы обращения с отходами: нормирования, платы, государственного надзора и отчетности [7, с. 60-64].

Еще одной не менее важной проблемой является реализация полномочий органов местного самоуправления, предоставленных им Федеральным законом «Об охране окружающей среды» (речь идет об организации сбора и вывоза бытовых отходов и мусора, что согласно ст. 7 Закона относится к вопросам местного значения). Закон «Об отходах производства и потребления» устанавливает, что территории муниципальных образований подлежат регулярной очистке от отходов в соответствии с экологическими, санитарными и иными требованиями. Порядок сбора отходов на территориях муниципальных образований должен определяться органами местного самоуправления и соответствовать экологическим, санитарным и иным требованиям в области охраны окружающей среды и здоровья человека. Следует отметить, что у органов местного самоуправления полномочий в области обращения с отходами недостаточно, с одной стороны. Тому подтверждение – исключение с 2008 года муниципального экологического контроля. Это значительно снижает эффективность реализации органами местного самоуправления полномочий в рассматриваемой сфере отношений. С другой стороны, у органов местного самоуправления недостаточно финансовых ресурсов к реализации полномочия по организации утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. Результатом вышеизложенного является привлечение к административной ответственности, как правило, глав муниципальных образований за непринятие администрацией муниципального образования полных мер по организации сбора и вывоза бытовых отходов [8].

Справедливо отмечено юристами, проводящими исследования в этой области, о возможности решения проблемы отходов только путем комплексного применения

технологических, экономических, идеологических и правовых средств регулирования. При этом необходим поиск новых и внедрение существующих технологий по уменьшению образования отходов (малоотходных и безотходных), а также технологий по их переработке в целях получения вторичных материальных и энергетических ресурсов, которые могут быть использованы в различных отраслях народного хозяйства [9, с. 65-70].

Проблема загрязнения окружающей среды в результате деятельности, связанной с отходами, на наш взгляд, может быть решена не только правовыми нормами, но и путем взаимодействия государственной власти и бизнеса [10, с. 174], а также в результате: устранения дублирования полномочий федеральных и региональных органов власти; стимулирования применения безотходных производств, создания в стране «целой отходоперерабатывающей индустрии» (*терм. С.А. Боголюбова*); ликвидации несанкционированных свалок отходов и увеличением количества мест размещения отходов (полигонов) в соответствии с нормами законодательства; грамотного распределения финансирования, включая и органы местного самоуправления, в чьей непосредственной близости находится решение указанных проблем; устранение неточностей и пробелов в законодательстве об отходах; развитие такого метода экономического регулирования в области охраны окружающей среды, как платность негативного воздействия; усиления мер юридической ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989г. Россия ратифицировала Федеральным законом от 04.11.1993 №1118-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 18. – Ст. 2066.
2. Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24 июня 1998 г. №89-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 26. – Ст.3009.
3. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения: Межгосударственный стандарт ГОСТ 30772-2001: Постановление Госстандарта РФ от 28 дек.2001г. №607-ст.
4. См., например: Кичигин Н.В., Пономарев М.В. Правовое регулирование в области обращения с отходами производства и потребления. – Москва, 2010; Новиков О.Н.. Основные принципы создания безотходных и бессточных производств// Экологическая группа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecolcom.ru/page21> и др.
5. Кичигин Н.В., Пономарев М.В. Правовое регулирование в области обращения с отходами производства и потребления. – Москва, 2010. – 192 с.

6. См., например: Определения ВАС РФ от 13.05.2010 № ВАС-4094/10 по делу № А05-10892/2009, от 22.07.2010 № ВАС-7768/10 по делу № А05-17777/2009, от 08.07.2011 № ВАС-8162/11 по делу № А31-5174/2010. – [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – прав. системы Гарант.

7. Кичигин Н.В. Новые подходы к построению системы государственного регулирования в области обращения с отходами // Законодательство и экономика. – 2013. – № 2. – С. 60-64.

8. См., например: Решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия от 24 июля 2013 года по делу № 2-371/2013. – [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.- прав. системы Гарант.

9. Пономарев М.В. Правовое регулирование экологически безопасного обращения с отходами в городах // Законодательство и экономика. – 2013. – № 2. – С. 65-70.

10. Как справедливо отмечено проф. С. А. Боголюбовым «эффективность правового регулирования общественных отношений зависит отнюдь не только от потенциала и качества правовых норм, но и от наличия или отсутствия политической воли, направленной на реализацию различного рода частных или публичных интересов» // Институты экологического права. – Москва, 2010. – 480 с.

ВИДАШЕВ И. И., БУРДИНА Е. В.
ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются основные этапы развития и совершенствования института государственной пошлины по гражданским делам в нашей стране. На основе анализа нормативно-правовых актов авторы приходят к выводу о функциях и особенностях судебных пошлин в гражданском судопроизводстве. В работе раскрыто содержание этапов генезиса национального института государственной пошлины.

Ключевые слова: государственная пошлина, гражданское судопроизводство, размеры госпошлины, иск, цена иска.

VIDASHEV I. I., BURDINA E.V.
GENESIS OF STATE DUTY ON CIVIL CASES IN RUSSIA

Abstract: The paper considers the main stages of state duty on civil cases development and improvement. In this connection the authors analyze the relative normative and legal acts. Consequently, they reveal the functions and features of state duty in civil proceedings. The paper also studies the content of national state duty system genesis.

Keywords: state duty, civil procedure, fee rate, civil claim, amount of civil claim.

Государственной пошлиной согласно ст. 333.16 Налогового кодекса РФ именуется сбор, который взимается с заинтересованных лиц при их обращении в суды разных юрисдикций и уровней. Институт государственной пошлины является составной частью судопроизводства по гражданским делам, представляющий фискальный механизм, выполняющий две основные функции: с одной стороны, предотвращение заявления в суды необоснованных требований; с другой – возмещение расходов по содержанию судов и осуществлению судебной деятельности.

Установление размера судебных пошлин представляется важным элементом государственной судебной политики, поскольку сбалансированные ставки госпошлин не только не должны создавать фактические препятствия гражданам и организациям в доступе к суду, но и ограждать судебные учреждения от произвольных и неосновательных споров. Размеры судебных пошлин находятся в прямой зависимости от уровня благосостояния граждан, от общей социально-экономической ситуации в стране.

Судебные пошлины как элемент гражданского судебного процесса развивались и модифицировались вместе с трансформацией самого судопроизводства, при этом на всех этапах развития судебным пошлинам были свойственны следующие отличительные черты:

1) обратившееся в суд лицо в случае выигрыша всегда могло взыскать с проигравшего расходы по оплате судебных пошлин;

2) судебные пошлины были достаточно высоки и платились в каждой новой инстанции, что ограничивало беспричинное обращение в суд, при этом были периоды, когда обратившийся в суд должен был в случае проигрыша оплатить определенную часть суммы иска в качестве штрафа;

3) существовали определенные категории лиц, которые освобождались от уплаты судебных пошлин;

4) судебные пошлины отличались многоаспектностью, то есть судебные пошлины нельзя заплатить один раз за все судебные инстанции и процессуальные действия сразу.

Следует выделить основные этапы в генезисе развития национального института государственной пошлины:

1) взимание судебной пошлины с дела независимо от его цены связано с периодом становления единого государства;

2) нормативное закрепление порядка взимания судебных пошлин в зависимости от цены иска и лица, ее получающего, на основании судебных грамот, классификация пошлин на несколько видов: пошлина с цены иска, вознаграждение должностным лицам, самостоятельная пошлина за новое рассмотрение дела и др. (период с XIV века по 1775 год);

3) начиная с судебной реформы 1775 года до 1917 года, устанавливаются законодательно определенные судебные пошлины для разных судов, категории лиц, освобожденные от их уплаты, вводятся штрафные санкции с целью ограничения количества обращений в суд;

4) трансформация института госпошлины в советский период связана уменьшением размера судебных пошлин с целью доступа к правосудию, повышенной защитой государственных и общественных интересов, что связано с установлением беспошлинного обращения в суды государственных органов и иных органов и организаций в защиту публичных интересов, которые освобождались от уплаты судебных пошлин;

5) развитие института государственной пошлины в современный период связано с унификацией правового режима государственной пошлины, взимаемой за совершение разных видов государственной деятельности, что связано с его закреплением сначала в Законе РФ «О государственной пошлине» (1991 г.), а с 2004 года – в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Судебные пошлины были известны ещё в Древней Руси. За убийство чужого холопа без вины убийца платил господину цену убитого в качестве возмещения убытков, а также судебную пошлину князю в размере 12 гривен. В случаях, когда убийца скрылся, виру платили

жители округа (верви), где было совершено убийство, если только это убийство не было совершено при разбойном нападении [1].

Судебное решение устанавливало различные взыскания с обвиненного в пользу выигравшего дело и в пользу судей (чем выше было судившее лицо, тем выше были и пошлины). До Судебника 1497 года известны были три вида пошлин: за вызов к суду, с мировой сделки и «полевые».

В ст. 38 Судебника 1497 года говорится, что наместники и волостели должны собирать судебные пошлины «согласно грамотам» [2]. Сбор выплат осуществляли выбранные представители сельских общин (сотники), а не чиновники. Вместе с тем обращение в суд для малоимущего и зависимого населения было весьма затруднено установлением целого ряда судебных пошлин и являлось весьма дорогим удовольствием. Так, по Судебнику нужно было платить судье-боярину 6 % от цены иска плюс 4 копейки с рубля дьяку. Судебные пошлины взимались за обращение в суд, розыск ответчика и обеспечение его явки в суд, производство недельщиком расследования по делу, назначение судом срока разбора дела или перенесение дела на другой срок, возможность искать правды на поле [3]. Оплачивались судебной пошлиной все виды выдававшихся судом грамот – правая, докладная, бессудная, отпускная. Дополнительной пошлине подлежал т.н. «пересуд», то есть обжалование судебного решения, или направление дела в вышестоящую инстанцию.

Размер судебных пошлин был тем выше, чем выше была судебная инстанция. Но согласно ст. 21 пошлины с проигравшего дело в суде великого князя или «детей великого князя» равнялись пошлинам в боярском суде [4]. При обращении к суду пошлины взимались с той стороны, которая была наиболее заинтересована в исходе дела. Если сторона, платившая пошлину, выигрывала дело, она «искала» её на виноватом.

В Судебнике 1550 года размер пошлины зависел от суммы иска и лица, ее получающего. За основу бралась цена иска в один рубль. При этом боярин получал два алтына (12 денег), а дьяк восемь денег. С увеличением или уменьшением суммы иска пропорционально изменялся и размер пошлины. Если стороны приходили к примирению в ходе судебного разбирательства до начала поединка, то пошлина взыскивалась в пользу лиц, ведущих судебное разбирательство, т. е. боярина и дьяка, а полевая пошлина в пользу лиц, организующих поле, не взыскивалась [5].

По Соборному уложению 1649 года судные пошлины назначаются в размере с рубля по гривне, в случае нового разбирательства шесть алтын или четыре деньги. За насилие при осуществлении правосудия пошлина увеличивалась вдвое. А собранные судебные пошлины записывались в особые книги в тот день, когда пройдет суд, при этом запрещались исправления (чернение, скребление) и вписывание между строк. Судебным делопроизводством занимались судебные приказы [6].

В результате судебной реформы 1775 года, проведенной Екатериной II, были приняты единые судебные пошлины на территории Российской Империи.

По своду 1857-го года взыскание судебных пошлин обращалось во всяком случае на тяжущегося, признанного по суду неправым. Проигравший суд был обязан возместить сопернику все судебные издержки, которые исчислялись со времени начала по день окончания дела.

Судебные пошлины по производству гражданских дел, содержащиеся в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года, составляли:

1. Гербовые пошлины или гербовый сбор, взимаемый на основании правила о непременном употреблении гербовой бумаги для написания всякого рода прошений и процессуальных документов суда. В мировых судах сбор с бумаг заменяет гербовую пошлину и взимается в размере 10 копеек с листа.

2. Судебные пошлины, исчисляемые в виде процента с цены иска. Судебные пошлины определялись судом при постановлении решения в размере от 1 до 50 руб. В мировых судах пошлина взималась в размере 1 % с цены иска или требования.

3. Канцелярские пошлины за переписку бумаг, выдаваемых тяжущимся, и за приложение печати

4. Сборы по производству дела, включающие плату за публикации о вызове ответчиков, место жительства которых неизвестно истцу; суточные, транспортные и квартирные расходы членов суда за совершение процессуальных действий вне нахождения суда [7].

По Уставу гражданского судопроизводства 1864 г., если суд не удовлетворил апелляционную жалобу, на эту сторону налагался штраф в размере 20 % от суммы первоначального иска. Для сравнения: в суде первой инстанции такой штраф составлял 5 % от суммы иска. Размеры государственной пошлины устанавливаются таким образом, чтобы они не препятствовали доступности правосудия, но в то же время были ощутимыми [8]. Для дореволюционного периода характерна дифференциация размеров судебных пошлин, взимаемых в судебно-мировых учреждениях и в общих судах, в последних судебные пошлины были выше [9].

Освобождались от судебных пошлин дела казенного управления и лица, за которыми признано судом право бедности.

В период нэпа судебные пошлины устанавливались в соответствии с законодательствами союзных республик и взимались народными, губернскими, верховными судами, а также учреждениями, наделенными судебными функциями (арбитражными комиссиями и земельными комиссиями). Судебная пошлина в размере одного процента с цены иска взималась с каждого искового заявления как первоначального, так и встречного [10].

Судебная пошлина с жалоб на решения местных арбитражных комиссий, подаваемых в высшие инстанции, взыскивалась в размере полупроцента с оспариваемой в жалобе суммы.

По искам, определение цены которых в момент их предъявления являлось затруднительным, судебная пошлина вносилась в размере 10 рублей в червонном исчислении, а по делам, поступающим в губернские арбитражные комиссии, – в размере 2 рублей в червонном исчислении.

Судебные пошлины и прочие сборы и расходы по делу не взыскивались с государственных (в том числе и коммунальных) учреждений и предприятий, которые содержались на общегосударственные и местные средства, а также с тех, которые содержались в целях благоустройства и здравоохранения. Местным советам предоставлялось право устанавливать надбавки к судебной пошлине не свыше 100 % (кроме дел, рассматриваемых в волостных земельных комиссиях, земельная пошлина в которых целиком поступала в пользу волостного бюджета).

С 1 января 1992 года был введен в действие Закон Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. «О государственной пошлине», пп. 1 и 2 ст. 3 которого определен размер судебной пошлины либо в процентном соотношении к сумме иска, либо в фиксированной сумме [11].

С 13 января 1996 года на территории Российской Федерации введен в действие Федеральный закон от 31 декабря 1995 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"», в котором в отличие от ранее установленного порядка в соответствии со ст. 4 Закона при исчислении размера государственной пошлины применяются: 1) прогрессивная шкала, зависящая от цены иска; 2) процентное отношение к цене иска; 3) кратность к минимальному размеру оплаты труда; 4) процентное отношение к минимальному размеру оплаты труда.

Еще одним значительным дополнением Закона Российской Федерации «О государственной пошлине» явилась норма, устанавливающая размеры государственной пошлины с надзорных жалоб по делам, которые не были обжалованы в кассационном порядке. В этом случае взыскивалась государственная пошлина как при подаче кассационных жалоб – 50 % от размера пошлины, взыскиваемой при подаче искового заявления.

В соответствии с Федеральным законом от 2 ноября 2004 года № 127-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» практически все нормы, регулирующие порядок определения размеров и уплаты государственной пошлины в судах общей юрисдикции, у мировых судей, в арбитражных судах, при совершении нотариальных действий, при регистрации актов гражданского состояния и в иных случаях уплаты государственной пошлины за совершение юридически значимых действий, были сосредоточены в главе 25.3 Налогового кодекса Российской Федерации. Тем самым

институт государственной пошлины приобретает межотраслевой характер. Государственная пошлина устанавливается для имущественных исков в виде конкретной суммы плюс процентная ставка от цены иска, размер которой уменьшается при увеличении суммы иска; при подаче искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке, а также искового заявления неимущественного характера, иных категорий дел установлена фиксированная денежная сумма [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – С.-Пб.: 1890–1907. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otop.su/1000/05/98110.php>.
2. Вернадский Г. В. История России. Россия в средние века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eliseev.ru/istor/ver022.htm>
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1995.
4. Исаев И. А. История государства и права России. – М.: Юристъ, 1998.
5. Цыганов В. Б. Судебник 1550 года: перевод. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/77786/sudebnik_1550-goda.
6. Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. – Л., 1980.
7. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зарцало, 2003. – С. 365-368.
8. Титов Ю. П. История государства и права. – М.: Проспект, 2008.
9. Стеничкина В. Г. Становление и развитие института судебной пошлины в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_7627.html.
10. Постановление СТО РСФСР от 17.01.1923 г. «О сборах, взимаемых при производстве дел в высшей и местных арбитражных комиссиях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7246.htm>.
11. Закон РФ от 9 декабря 1991 года «О государственной пошлине» // Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (с постатейными материалами). – М.: Юрид. лит., 1994. – С. 329-351.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. // Консультант Плюс.